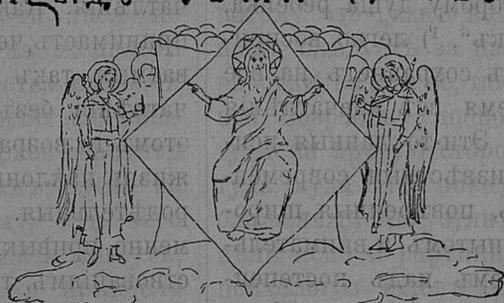

БОЖІА ПИВА

СЕ ЙЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪБЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕБРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НБСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НБСНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВОСПИТАНІЕ НА ЗРѢ ХРИСТІАНСТВА.

(Продолженіе)¹.

IV.

Дѣтство какъ наиболѣе пригодная пора для начала воспитанія. Частныя руководственныя правила для воспитанія дѣтей; чтеніе слова Божія.

Долагая въ основу воспитанія юношества религіозность, св. отцы и учителя древне-христіанской Церкви естественно должны были указывать на необходимость засѣвать въ душѣ малютки святыя сѣмена добро-

дѣтели въ пору ранняго дѣтства, съ самой колыбели. Объ этомъ дѣйствительно и говорили они, рекомендуютъ воспитывать дѣтей не для шумнаго свѣта, не для славы и блеска, а первѣе всего—для Бога. И не теоретическія только предположенія заставляли ихъ

¹) См. № 7.

дѣлать подобные выводы по вопросу о началѣ воспитанія дѣтей. Нѣтъ. Благочестивые мужи давно минувшихъ временъ пышнаго разцвѣта Церкви Христовой являются такими знатоками природы дѣтской души и ея особеннаго свойства, по которому душа ребенка, какъ „мягкій воскъ“, ¹⁾ легко воспринимаетъ и потомъ сохраняетъ на все послѣдующее время всѣ впечатлѣнія ранняго дѣтства. Эти-то данныя психологій, хорошо извѣстныя современнымъ педагогамъ, повѣренныя широкимъ личнымъ опытомъ и внимательнымъ наблюденіемъ надъ постепеннымъ ростомъ и духовнымъ развитіемъ благочестивыхъ дѣтей, и приводили отцевъ и учителей Церкви, къ признанію необходимости обращать особое вниманіе на дитяту въ то время, когда душа его еще представляетъ дѣвственную почву, когда сердце его только что открывается для воспріятія проблесковъ живого религіознаго чувства, и въ тоже время, когда мысль и воля его еще не поработены грѣхомъ. „Не говорите, разсуждаетъ по этому поводу св. Іоаннъ Златоустъ, что въ дѣтствѣ еще не время заниматься вѣрою. Я утверждаю, что такое занятіе не только полезно, но и необходимо для сего возраста... Когда надобно вести дѣтей въ театръ или на зрѣлища, тогда у насъ нѣтъ дѣла, нѣтъ обязанности, которая-бы насъ задержала, всѣмъ жертвуемъ этой жалкой приманкѣ. А когда дѣло идетъ о такомъ важномъ и полезномъ занятіи,—тогда говорятъ: еще терпитъ время! Какъ не поразить насъ за это гнѣвъ Божій! Для всего прочаго вы находите досужее время, а служеніе Богу кажется слишкомъ тяжкимъ для васъ и слишкомъ обременительнымъ для вашихъ

дѣтей. Оставьте заблужденіе столь предосудительное! Дѣтямъ-то особенно и нужно преподавать первые уроки вѣры и благочестія. По самой гибкости ума своего, они способны болѣе, нежели взрослые, принимать и сохранять впечатлѣнія. Какъ мягкій воскъ легко принимаетъ черты, на немъ напечатлѣваемые, такъ и они принимаютъ впечатлѣнія безъ большихъ усилій. Въ этомъ-то возрастѣ вкореняются на всю жизнь наклонности порочныя или добродѣтельныя. Если дѣти заблаговременно привыкнуть къ добрымъ чувствованіямъ, то можно надѣяться, что они и послѣ не уклонятся ко злу; они пріобрѣтутъ себѣ уваженіе людей разсудительныхъ, и еще въ дѣтствѣ достигнутъ той ранней зрѣлости, которая впослѣдствіи будетъ для нихъ наилучшимъ руководителемъ во всѣхъ дѣйствіяхъ“. ¹⁾ „Пока душа способна къ образованію, разсуждаетъ подобнымъ-же образомъ св. Василій Великій, нѣжна и, подобно воску, уступчива, удобно напечатлѣваетъ въ себѣ налагаемые образы, надобно немедленно и съ самаго начала возбуждать ее ко всякимъ упражненіямъ въ добрѣ, чтобы, когда раскроется разумъ и прійдетъ въ дѣйствіе разсудокъ, начать теченіе съ положенныхъ первоначально основаній и преподанныхъ образцовъ благочестія, между тѣмъ какъ разумъ будетъ внушать полезное, а навыкъ облегчитъ преуспѣяніе“. ²⁾ Особенно ясно и настойчиво развиваютъ эту мысль блаженный Іеронимъ и Августинъ. „Душа имѣющая быть

¹⁾ Св. Златоустъ развиваетъ эту мысль въ нѣсколькихъ мѣстахъ, напр., въ бесѣдахъ къ антиох. народу, въ бесѣдахъ на разныя мѣста свящ. пис., въ бесѣд. на Іоанна, въ словѣ къ вѣрующему отцу и др.

²⁾ Св. Василій Великій. Твор. ч. 5-я, Москва, 1858 г. стр. 134, правила въ вопр. и отвѣтахъ.

¹⁾ І. Златоустъ.

храмомъ Бсѣмимъ, говоритъ Іеронимъ, должна быть воспитываема слѣдующимъ образомъ: „еще младенческой языкъ ея (Павлы) пусть научится сладкимъ псалмамъ“. „Позаботься и ты, пишетъ онъ далѣе къ Летѣ о воспитаніи дочери, чтобы дочь твоя не усвоила нелѣпаго обычая женщинъ коверкать изъ ласкательства слова, и чтобы не привыкла забавляться золотомъ и пурпуромъ: первое вредитъ языку, послѣднее—нравамъ; пусть не учится въ дѣтствѣ тому, отъ чего послѣ нужно будетъ отвыкать. Пишутъ, что краснорѣчію Гракховъ принесла великую пользу рѣчь матери, которую слушали они съ дѣтства. Съ трудомъ истребляется то, что впечатлѣвается въ молодые души. Кто возвратитъ прежнюю бѣлизну шерсти, окрашенной въ пурпуръ? Новый кувшинъ долго хранить вкусъ и запахъ того, чѣмъ, впервые былъ налитъ. Греческая исторія рассказываетъ, что Александръ, будучи могущественнѣйшимъ царемъ и побѣдителемъ вселенной, долго не въ силахъ былъ освободиться отъ недостатковъ въ характерѣ и въ походкѣ учителя своего Леонида, которыми заразился еще въ дѣтствѣ“. „Священникъ Ілій, обращается затѣмъ блаж. Іеронимъ къ родителямъ, подвергся гнѣву Божію за пороки дѣтей своихъ (1 Цар. гл. 2 и 3)... Если образъ жизни дѣтей совершеннаго возраста и вышедшихъ изъ подъ отцовской власти вмѣняется родителямъ: то не тѣмъ-ли болѣе на отвѣтственности родителей лежитъ тотъ возрастъ ихъ младенческой и слабый, который, по словамъ Господа (Іоан. 4, 11), не знаетъ руки правой и лѣвой, т. е. различія между добромъ и зломъ... Кто еще очень малъ и смыслъ имѣетъ малютки,—все доброе и дурное его вмѣняется родителямъ... Когда-то, мальчикомъ, я чи-

талъ въ школахъ: „съ трудомъ будешь бороться съ тѣмъ, къ чему допустишь въ себѣ привычку“. ¹⁾ Вотъ поэтому то, рассуждаетъ блаж. Іеронимъ, отцы и матери обязаны съ дѣтства предохранять дѣтей отъ дурныхъ навыковъ, потому что „какъ вода на ровной площади слѣдуетъ за пальцемъ, который впереди ведетъ ее, такъ и мягкій нѣжный возрастъ удобно склоняется на ту и на другую сторону, и влечется туда, куда его поведешь“. ²⁾ Также блаженный Августинъ въ своей исповѣди ясно и картинно развилъ цѣлую психологію человѣческаго сердца. Онъ обнаруживаетъ, по мѣткимъ и глубоко вѣрнымъ словамъ одного извѣстнаго педагога, ³⁾ мощь посѣянныхъ въ самой нѣжной юности религіозныхъ зародышей, и вмѣстѣ съ тѣмъ мощь матери надъ ребенкомъ. Его личный опытъ показалъ ему, что матерью насажденная вѣра въ истинность и божественность христіанской религіи никогда не покидала его. Эта вѣра вывела его наконецъ, изъ блужданій по духовному морю въ истинную родину, въ средоточіе духовной жизни и привела въ ясное сознаніе высшія потребности духовной и нравственной природы человѣка. Вотъ почему онъ и другимъ совѣтуетъ оберегать сердце дитяти отъ дурныхъ впечатлѣній. Нужно влагать имъ добрыя сѣмена, рассуждаетъ онъ, „ибо все то, что выносится у насъ въ дѣтствѣ изъ подъ опеки надзирателей и учителей, переходитъ потомъ къ правителямъ и царямъ и отъ орѣховъ и мячиковъ и

¹⁾ Твор. бл. Іеронима ч. 3-я, Кіевъ, 1880 г. Письмо къ Летѣ стр. 4, 6, 7, 9, 10.

²⁾ Ibid. Письмо къ Гавденцію, стр. 307—308.

³⁾ Шмидтъ, Исторія педагогики, т. 2-й стр. 61; ср. Вѣра и Разумъ 1899 г. № 21, педагогическія воззрѣнія св. отцевъ и учителей Церкви, Н. Мирялобова стр. 567, примѣч.

воробьевъ переносится къ золоту, помѣстямъ, рабамъ; то есть, всѣ пороки дѣтства переходятъ на послѣдующія затѣмъ возрасты въ соответствующемъ измѣненіи“. ¹⁾ Выводъ изъ сказаннаго по вопросу о времени, съ котораго должно начинать воспитаніе дѣтей ясенъ. Всѣ святые отцы и учителя первенствующей Церкви показываютъ, какъ важно для человѣка—этого плователя по бурному житейскому морю— „бросать надежный якорь въ основѣ своего бытія“, ²⁾ какъ велико для его душевнаго міра запастись съ дѣтства твердою вѣрою. Поэтому что вѣдь только такая вѣра можетъ помочь пережить ту внутреннюю борьбу, тотъ разладъ съ самимъ собою, который часто постигаетъ насъ, когда мы переходимъ изъ періода дѣтскаго беззаботнаго бытія въ пору зрѣлаго возраста и когда многіе истощаютъ и изсушаютъ свою духовную жизнь...

Указывая на необходимость религіознаго воспитанія дитяти вообще, первенствующая Церковь въ лицѣ авторитетныхъ своихъ представителей предлагаетъ современности и нѣсколько частныхъ руководственныхъ правилъ, которыя даютъ намъ возможность познакомиться съ характеромъ тѣхъ педагогическихъ приемовъ, которыхъ держались при воспитаніи дѣтей лучшіе изъ древнихъ хрістіанъ.

Признавая необходимость религіознаго воспитанія какъ для мальчиковъ такъ и особенно для дѣвочекъ, св. отцы и учителя Церкви рекомендуютъ начинать его съ внушенія дѣтямъ страха Божія. Поэтому они восхваляютъ тѣхъ нянекъ и мамокъ, которыя по-

казываютъ ребенку добрый примѣръ: становятся на молитву при зажженной лампадкѣ и приносятъ Богу вечернюю жертву. ¹⁾ Такими няньками они особенно рекомендуютъ дорожить матерямъ. „Къ ней (къ Павлѣ), пишетъ блаж. Іеронимъ благочестивой матери Лейѣ, должна быть приставлена дѣвица старая, испытанной вѣры и нравовъ, которая научила-бы ее и приучила собственнымъ примѣромъ вставать ночью для молитвы и псалмовъ, какъ слѣдуетъ подвижницѣ Христовой, и когда зажжется лампада—принести жертву вечернюю“. ²⁾ „Будь осмотрительнѣе, преподааетъ далѣе общія правила матери—хрістіанкѣ блаж. Іеронимъ, въ выборѣ воспитанія для души, назначенной служить храмомъ Божиимъ; помни, что начатки всего исключительно должны принадлежать Господу; поэтому первыя мысли, первыя слова дитяти должны быть освящены благочестіемъ. Для матери хрістіанки нѣтъ радости выше той, когда она слышитъ дитя свое произносящимъ еще слабо и съ запинаніемъ имя Иисуса Христа, или когда она пытается пѣть священныя напѣвы нѣжнымъ голоскомъ своимъ. Когда потомъ представится возможность упражнять память дочери твоей, то обучи ее псалмамъ. Пусть Евангелія и писанія апостольскія сдѣлаются сокровищемъ сердца ея; пусть каждый день она прочитываетъ нѣсколько страницъ изъ нихъ и такимъ образомъ подноситъ тебѣ каждое утро какъ-бы букетъ изъ цвѣтовъ, собранныхъ ею въ священныя книгахъ. Пусть это будетъ самой главной заботой ея, самымъ привычнымъ дѣломъ, которое оставляла-бы она только ложась спать и, за кото-

¹⁾ Исповѣдь, кн. 1-я гл. 19 стр. 21.

²⁾ Шмидтъ; ср. Вѣра и Разумъ, № 21, стр. 1899 г. стр. 567 примѣч.

¹⁾ Іеронимъ, ч. 3-я стр. 11-я.

²⁾ Ibid.

рое принималась бы, пробуждаюсь отъ сна. Остерегай дитя свое, продолжаетъ Іеронимъ, отъ всѣхъ тѣхъ чтеній, которыя вносятъ въ нѣдра христіанской души понятія и вкусы язычества. Удаляйся и сама того мнѣнія, будто юности полезно изъ млада пріобрѣтать нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя впослѣдствіи приходятъ сами собой. По моему гораздо безопаснѣе вовсе не знать тѣхъ вещей, познаніе которыхъ неизбѣжно влечетъ за собою разслѣдованіе. Душа должна быть такъ руководима, чтобы она не научалась ни слушать, ни говорить ничего такого, что отвлекаетъ отъ страха Божія. Неприличныхъ словъ она совсѣмъ не должна понимать. Должна держаться вдали отъ легкомысленныхъ дѣтей другихъ родителей, и пусть няньки избѣгаютъ всякаго дурнаго общества, чтобы онѣ не научили дѣтей худымъ правамъ. Если родители съ такою заботливостію предохраняютъ своихъ дѣтей отъ укушенія змѣя, то какъ имъ не предохранять тѣхъ-же дѣтей отъ зла міра сего? ¹⁾ И такъ какъ первымъ проявленіемъ развивающагося дѣтскаго смысла нужно считать первые слова, которыя начинаетъ лепетать младенческой языкъ, то добрые воспитатели дѣтей — родители, или ихъ няни должны, по мысли блаженнаго Іеронима, заботиться о томъ чтобы и этотъ дѣтскій лепетъ не былъ пустымъ. И далѣе, азбучное обученіе, должно также носить воспитательный характеръ. — „Самыя имена, развиваютъ эту мысль блаж. Іеронимъ, надъ которыми по немногу будетъ пріучаться она (Павла) складывать слова, не должны быть какія-нибудь случайныя, но извѣстныя и выбранныя нарочито,

какъ-то: имена пророковъ и апостоловъ, и весь рядъ именъ патріарховъ, начиная отъ Адама, какъ онъ проведенъ Матеемъ и Лукою; это для того, чтобы занимаясь однимъ, она готовила память свою къ другому, будущему“. ¹⁾ Какъ-бы поясняя слова блаженнаго Іеронима, св. Іоаннъ Златоустъ указываетъ на тотъ вредъ, который приноситъ дѣтямъ, на первыхъ порахъ развитія, ихъ знакомство съ именами языческихъ боговъ и героевъ. „Первый возрастъ, говоритъ онъ, есть возрастъ невѣдѣнія, но это невѣдѣніе дѣлается болѣе глубокимъ и болѣе опаснымъ въ дѣтяхъ, когда даютъ имъ въ числѣ первыхъ книгъ исторіи героевъ съ тѣмъ, чтобы научить ихъ удивляться героямъ, тогда какъ герои эти были преданы всякимъ страстямъ. Странное заблужденіе! Не отъ этого ли воспитаніе наше доставляетъ обществу людей только надменныхъ, необузданныхъ, безнравственныхъ и привыкшихъ погрязать въ тинѣ порока?“ ²⁾ Поэтому, „чтобы у насъ не было такихъ гражданъ нужно предостерегать дѣтей отъ рѣчей людей злонравныхъ“, потому что по словамъ св. Василия Великаго, ³⁾ „привычка къ словамъ негоднымъ служить нѣкоторымъ путемъ и къ дѣламъ“. Подобнымъ-же образомъ Григорій Нисскій, осуждая односторонность свѣтскаго воспитанія дитяти, съ особою похвалою отзываясь о дѣтствѣ Макрины, сестры св. Василия Великаго, въ образѣ истиннохристіанскаго воспитанія которой онъ указываетъ наглядный примѣръ, достойный подражанія. Вотъ въ какихъ чертахъ онъ рисуетъ характеръ воспи-

¹⁾ Іеронимъ ч. 3-я, стр. 5.

²⁾ 21 Бесѣда на пос. къ Ефес.

³⁾ Твор. Василия Великаго, ч. 4-я, Москва, 1858 г. Бесѣда къ юношамъ стр. 348.

¹⁾ Ibid. ср. А. Лебедевъ, Церковно-истор. повѣств. стр. 26, 27.

танія Макрины. „И такъ, дитя воспитывается; и хотя имѣло свою кормилицу, но большею частію воспитывалось на собственныхъ рукахъ матери. Преступивъ младенческой возрастъ, она показала въ себѣ большую способность къ изученію дѣтскихъ наукъ, и что по мнѣнію родителей надлежало изучить, въ томъ отроковица и оказывала блестящіе успѣхи. Мать-же старалась обучать дочь свою, но не тѣмъ мірскимъ и общепринятымъ наукамъ, которыми большею частію напитываются первые возрасты чрезъ чтеніе стихотвореній; она почитала постыднымъ и совершенно непристойнымъ, чтобы нѣжная и удобообразуемая впечатлительная природа изучала или тѣ трагическія страсти, которыя, проихождая отъ женщинъ, дали поводъ и предметъ для сочиненія поэмъ, или безстыдныхъ комическихъ сцены, и нѣкоторымъ образомъ оскверняла себя безстыдными сказаніями о женщинахъ. Но что изъ Богодухновеннаго писанія

(Окончаніе слѣдуетъ).

Димитрій Введенскій.

УЗЕРЪ-ИИ РЯЧИНСКІЙ?

(Памяти истиннаго друга церковной школы).

Не стало незабвеннаго Сергѣя Александровича... 2-го Мая догорѣлъ этотъ яркій свѣтильникъ, лучи котораго простирались далеко-далеко за предѣлы тихаго Татева.

Горькую вѣсть о кончинѣ его мы услышали на экзаменѣ въ одной благоустроеннѣйшей школѣ нашего уѣзда. Грустно, невыносимо тяжело стало на душѣ... Не стало истиннаго друга этихъ скромныхъ школъ, не стало и нашего добраго и мудраго совѣтника, которому сердце привыкло изливать

казалось болѣе легкимъ для перваго возраста, то составляло предметъ ученія для отроковицы, особенно-же премудрыя рѣшенія Соломоновы, изъ нихъ больше то, что относится къ нашей нравственной жизни. Но и въ писаніяхъ псалмовъ не была несвѣдуща, въ опредѣленное время проходя извѣстную часть псаломнѣнія; ибо вставала-ли съ постели, принималась-ли за работу и прекращала оную, приступала-ли къ пищѣ и выходила-ли изъ за стола, отходила-ли ко сну и становилась-ли на молитву, всегда имѣла псаломскую пѣснь, какъ нѣкую благую спутницу, ни въ какое время ее не оставляющую. Въ сихъ и подобныхъ симъ занятіяхъ возрастая и руки тщательно укрѣпляя въ работѣ, она достигла двѣнадцатилѣтняго возраста, когда особенно начинается зацвѣтатъ цвѣтъ юности“. ¹⁾

1) Твор. св. Григорія Нисскаго, ч. 8-я, Москва, 1872 г., № 329—330.

и скорби и радости. Но сравнительно стройное пѣніе учениковъ, ихъ хорошіе отвѣты, замѣтная благовоспитанность, наконецъ прекрасное зданіе самой школы, такъ благовременно подсказали намъ хоть нѣкоторое утѣшеніе: вотъ, думалось, какъ глубоко проникателенъ и мудръ былъ Сергѣй Александровичъ, посвятивши всего себя дѣлу жизненному, которое съ его легкой руки растетъ, быстро развивается и по мѣстамъ даритъ уже насъ замѣтными плодами. Между тѣмъ, ког-

да онъ, европейски образованный профессоръ, родовитый помѣщикъ оставилъ каѳедру, удобства городской, барской жизни, чтобы удалиться въ деревню и всего себя посвятить обученію и воспитанію полудикихъ деревенскихъ ребятишекъ въ добромъ церковномъ духѣ, развѣ только самымъ искреннимъ идеалистамъ его начинаніе могло рисоваться, и то лишь въ розовыхъ мечтахъ, жизненнымъ, прочнымъ, имѣющимъ будущность. Чуткость сердца и проникательность разума не обманули однако Сергѣя Александровича: вѣдь не въ пору увлекающейся юности, а въ пору зрѣлости, несомнѣнно послѣ тщательныхъ и всестороннихъ размышленій, перешагнувъ онъ изъ барскихъ хоромъ за порогъ сельской школы, промѣнявъ аудиторию съ просвѣщенными слушателями надушный классъ съ толпою неразвитыхъ дѣтей. Однимъ изъ первыхъ онъ понялъ, что и здѣсь, въ темномъ крестьянскомъ царствѣ, самоотверженные труды на распространеніе истиннаго просвѣщенія не менѣе нужны, чѣмъ въ какой либо другой средѣ, и въ то время, когда почти всѣ образованные люди и помѣщики побѣгли отъ деревни какъ отъ какой-то чумы, онъ всего себя посвящаетъ этой заброшенной и, по общему признанію, невѣжественной деревнѣ. Онъ же первый понялъ, какія свойства нужны деревенской школѣ, имѣющей воспитать народъ. Онъ первый создалъ, или лучше воскресилъ забытый было типъ истинно русской народной школы, сдѣлавъ ее дочерью Церкви Божіей, и самъ проникнутый хрістіанскимъ настроеніемъ счумѣлъ сообщать его и школамъ, въ которыхъ трудился, и сотрудицамъ, которые пользовались его добрымъ вліяніемъ.

Начало его школьныхъ подвиговъ

можно по всей справедливости назвать свѣтлою зарею нашего народнаго просвѣщенія. Выработываясь типъ народной школы, призвана была къ жизни школа земская, но она своимъ направлениемъ не удовлетворила Сергѣя Александровича: онъ создалъ свой типъ школы, народной, который и сталъ образцемъ для возродившейся потомъ юной церковной школы.

Нарождающіяся школы привлекали въ свои стѣны дѣятелей, которымъ иногда очень трудно и въ полномъ одиночествѣ приходилось совершать свое жизненное, хотя и малозамѣтное дѣло. Они жаждали поддержки, добраго совѣта, слова мудраго опыта, и когда добрыя слухи про скромнаго Татевскаго учителя, бывшаго профессора, стали распространяться, то естественно къ нему стали обращаться взоры многихъ школьныхъ тружениковъ, проникнутыхъ искреннимъ желаніемъ дѣйствительно поработать для народнаго воспитанія и просвѣщенія.

Спустился, напримѣръ, долгій осенній или зимній вечеръ... Школка, пріютившаяся гдѣ нибудь на краю селенія... Кругомъ пустынно - безлюдно... Безпредѣльная снѣжная пелена, или непроглядная тьма томятъ своимъ однообразіемъ. Молчаливыя стѣны точно давятъ своимъ безмолвіемъ. Рабочіе часы школьнаго труженика окончились; онъ теперь одинокъ и предоставленъ самому себѣ. Друзей, общества подходящаго нѣтъ, порядочная книга и то не всегда найдется подъ рукою; между тѣмъ въ молодой душѣ томятся полученныя впечатлѣнія отъ окружающей дѣйствительности, наплываютъ наблюденія надъ дѣтскою душою, загораются порывы дохнуть вокругъ себя добрымъ вліяніемъ, хочется разобратъ во всемъ этомъ, дать себѣ ясный отчетъ, составить опредѣлен-

ный планъ своей скромной дѣятельности... Но съ кѣмъ подѣлиться тѣмъ, что такъ живо бродитъ въ душѣ, кому излить свои надежды и невзгоды, кому повѣрить ошибки, у кого просить мудраго указанія и совѣта? И вспоминался въ такія минуты живой внутренней работы многимъ школьнымъ труженикамъ Сергѣй Александровичъ; къ нему летѣли съ разныхъ концовъ Руси тысячи писемъ, въ которыхъ искренно изливалась душа желающихъ искренно, добросовѣстно поработать на благо православнаго народа.

Не только учащіе въ школахъ, но и многіе священники, проникнутые сознаніемъ своихъ пастырскихъ обязанностей, смотрѣли на Сергѣя Александровича какъ на вѣрнаго друга, искренняго соратника и также изливали ему свои успѣхи и неудачи, радости, скорби, вопрошали его совѣтовъ, указаній, наблюденій. Самъ опытно испытывая всѣ невзгоды деревенскаго просвѣщеннаго дѣятеля, Сергѣй Александровичъ спѣшилъ откликнуться добрымъ словомъ мудраго опыта, ободрить иногда даже лично незнакомаго ему труженика своимъ искреннимъ участіемъ. И какъ дорого, какъ благотворно было слово этого истиннаго подвижника народнаго просвѣщенія! Оно не только проливалось свѣтъ на тотъ или другой вопросъ школьной практики, той или другой стороны пастырской жизни, но порою прямо таки поднимало душевное настроеніе, вливало въ сердце бодрость, влекло къ неустанной, настойчивой дѣятельности, разгоняло тучки унынія, разочарованія, что обыкновенно навѣвается неудачами, ошибками, косностью, равнодушіемъ окружающей среды или лицъ близкихъ... Намъ при этомъ невольно припоминается случай изъ собственной жизни: въ одну изъ тяжелыхъ минутъ

упадка духа и ослабленія энергіи я написалъ С. А. письмо, въ которомъ жаловался и на самого себя, и на людей, и причину своего угнетеннаго настроенія указывалъ въ незамѣтности плодовъ отъ своихъ трудовъ; и вотъ спустя нѣсколько дней уже получаю отъ него теплый задушевный отвѣтъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: „поработайте лѣтъ 20 горячо, искренно, не покладая рукъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и тогда только ясно увидите плоды своей дѣятельности, и убѣдитесь, что не напрасно были прожиты эти годы“... Получи такія строки отъ обыкновеннаго человѣка, я, быть можетъ, счелъ бы ихъ обычною фразою утѣшенія, но, получивъ ихъ отъ человѣка, всю душу и средства отдавашаго дѣлу просвѣщенія ближняго, полнаго бодрости духовной и ясной вѣры въ смыслъ того, чему онъ отдался, я прежде всего постыдился за свою смѣлость писать ему о своемъ малодушіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовалъ въ себѣ приливъ бодрости.

Многое изъ того, что особенно изъ окружающей дѣйствительности трогало сердце его, онъ запечатлѣвалъ на бумагѣ, хотя и не оставилъ онъ намъ многотомныхъ сочиненій. Но за то все, вышедшее изъ подъ его пера, захватывало обыкновенно самые живые, близкіе намъ вопросы и явленія общественной жизни, и выражено было просто, художественно, задушевно. Его драгоцѣнныя „Записки о сельской школѣ“, его „Письма о трезвости“, этотъ, по выраженію одного изъ его читателей, современный плачъ Іереміи, его художественное описаніе „Похода въ Нилову пустынь“... и проч. думается намъ должны бы быть настольными книгами у всѣхъ причастныхъ дѣлу народнаго воспитанія и обученія.

И вотъ хотя не стало среди насъ творца истинно русской школы, но сама она стоитъ твердо, какъ яркій свидѣтель плодотворности его жизни. Обозрѣвая все сдѣланное незабвеннымъ С. А. для народнаго просвѣщенія, и принимая во вниманіе его огромное нравственное вліяніе на многочисленныхъ сотрудниковъ святаго жизненнаго дѣла, чувствуешь въ себѣ право сказать: нѣтъ, и послѣ своей смерти *Рачинскій живъ*.

Живъ онъ какъ свѣтлый типъ мудреца педагога христіанина въ истинномъ смыслѣ этого слова, до послѣднихъ минутъ сохранившаго любовь и вѣрность добровольно избранному дѣлу. Живъ онъ какъ неопровержимое доказательство, что широкая образованность вполне уживается со смиреннымъ настроеніемъ христіанина, горячо преданнаго Православной Церкви...

Живъ онъ въ свѣтлыхъ воспоминаніяхъ о немъ лицъ его знавшихъ. Живъ — въ жизненныхъ литературныхъ трудахъ, которые, вѣрится, переживутъ наше поколѣніе, и въ тѣхъ безчисленныхъ, полныхъ мудрости и задушевныхъ письмахъ, что изъ скромнаго Татева летѣли въ разные концы обширной Руси. Живъ онъ въ томъ свѣтломъ, бодромъ настроеніи его вѣрныхъ послѣдователей и подражателей, которое они у него же заимствовали, чтобы свято послужить имъ любимой и имъ же взлелѣянной школѣ. Живъ онъ, наконецъ, въ томъ замѣтномъ ростѣ нашей церковной школы, сѣмена которой, безъ преувеличенія можно сказать, политы по томъ его самоотверженнаго, проникнутаго глубокимъ убѣжденіемъ труда!...

Свящ. В. Востоковъ.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе 1).

Наступало лѣто 1897 года. О. Михайлъ, утомленный невзгодами послѣдняго времени, нуждался въ отдыхѣ. Онъ уже нашель себѣ дачу, перевезъ туда книги, мечталъ уѣхать съ семьей изъ Москвы тотчасъ послѣ экзаменовъ, какъ святитель Сергій вызвалъ его къ себѣ и сталъ просить потрудиться въ теченіе лѣта на предстоявшихъ второклассныхъ курсахъ. Организациія курсовъ требовала особенно внимательнаго отношенія къ себѣ: надо было не только положить правильныя основы, но и умѣло примѣнить ихъ къ дѣлу, надо было создать для курсовъ добрыя традиціи.

Трудность положенія увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что слушателями курсовъ были не простые учащіяся, а люди уже взрослые, со своимъ собственнымъ мнѣніемъ и сужденіемъ, уже занимающіе извѣстное, хотя и скромное общественное положеніе и уже сами не новички на педагогическомъ поприщѣ. Особенно важенъ былъ правильный выборъ руководителя курсовъ. Нуженъ былъ человекъ, который импонировалъ бы слушателямъ не оффиціальнымъ званіемъ своимъ „инспектора курсовъ“, а своими нравственными, умственными и научными достоинствами... Нельзя не удивляться въ этомъ случаѣ прозор-

1) См. № 7.

ливости и мудрости покойнаго Московскаго святителя. Въ самомъ дѣлѣ, о. Михаилъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для того, чтобы сразу поставить курсы на надлежащую ногу, сдѣлать такъ, чтобы приглашенныя на нихъ лица увидѣли въ нихъ не новое бремя, возлагаемое на нихъ взаменъ лѣтняго отдыха, а великую пользу и для себя и для дѣла, которому они служатъ. Здѣсь прежде всего важны были уже отмѣченныя нами ранѣе свойства личнаго характера о. Михаила: его способность юношески увлекаться взятымъ на себя дѣломъ, до самозабвенія уходить въ него, его удивительная способность сближаться съ людьми, сразу становиться въ простыя, человѣческія отношенія съ ними. Къ этому слѣдуетъ присоединить его многолѣтнюю педагогическую опытность, его обширныя познанія и въ Законѣ Божіемъ, и въ исторіи,—предметы, преподаваніе которыхъ онъ взялъ на курсахъ на себя, его умѣнье пластично, картинно и въ высшей степени ясно излагать трактуемый предметъ,—результатъ его художественнаго дарованія, наконецъ—и что важнѣе всего—его глубокую вѣру, что дѣло народнаго образованія есть прежде всего дѣло православной Церкви, что переживаемый нами историческій моментъ, пробуждающееся народное самосознаніе, есть именно то время, когда сѣкира уже лежитъ при корнѣ, и что упустить этотъ моментъ и отдать дѣло народнаго образованія въ другія руки, съ противоположными идеалами, значило бы толкнуть народъ въ бездну, свести его съ его вѣковыхъ путей на окольные дороги и заставить его измѣнить своему призванію, какъ народа-богослужителя, какъ новаго Израиля,—призванію, въ которое о. Михаилъ вѣровалъ

всѣми силами своей души. Очевидно, умудренный жизненнымъ опытомъ, глубокой умъ почившаго Московскаго архипастыря прекрасно понималъ о. Михаила. О. Михаилъ такъ благоговѣлъ предъ владыкою, что не посмѣлъ даже и намекнуть о необходимомъ отдыхѣ. Безъ колебаній и сомнѣній принялъ онъ на себя тотъ подвигъ, къ которому призывалъ его высокочтимый имъ святитель. Мы смѣло говоримъ: „подвигъ“, ибо иначе нельзя и назвать того чисто юношескаго пыла, той, чуть не до безразсудства доведенной траты силъ, которую внесъ онъ въ порученное дѣло. Помимо лекторства по двумъ предметамъ, что уже само по себѣ представляло для утомленнаго зимнимъ трудомъ и пережитыми испытаніями человѣка большой трудъ, онъ сдѣлался для курсистовъ всѣмъ, чѣмъ хотите: нянькой, опекуномъ, совѣтникомъ, руководителемъ, слилъ, однимъ словомъ, свое существованіе съ существованіемъ своихъ подчиненныхъ. Не говоря уже о деревнѣ, онъ отказался жить и на своей зимней квартирѣ въ Филаретовскомъ училищѣ, а переселился въ зданіе Московской духовной семинаріи, гдѣ остановились курсисты, и прожилъ здѣсь бокъ-о-бокъ съ ними все лѣто въ одной душной комнатѣ, лишенный привычныхъ удобствъ правильно устроенной домашней жизни. Все время, свободное отъ лекцій, онъ проводилъ въ бесѣдахъ съ курсистами о всемъ, что волновало и тревожило ихъ педагогическую или человѣческую совѣсть, и какихъ-какихъ только вопросовъ не было затрогнуто на этихъ бесѣдахъ и сколько добрыхъ, на всю жизнь проникающихъ совѣтовъ успѣлъ посѣять о. Михаилъ, въ это знаменательное въ его жизни лѣто 1897 г. въ сердцахъ

своихъ молодыхъ, еще чуткихъ ко всякому доброму призыву, собесѣдниковъ! Мы не станемъ говорить уже о томъ поразительномъ успѣхѣ, который имѣла дѣятельность о. Михаила, какъ лектора по Закону Божію и исторіи. По общему отзыву слушателей, его слово было въ данномъ случаѣ какъ золото, которое онъ искусно выбиралъ изъ общей массы педагогическихъ словъ и опредѣленій. Онъ умѣлъ пойти и дальше, умѣлъ быть полезенъ и самимъ слушателямъ, въ ихъ личной жизни, для собственной души ихъ. Вотъ, напр., какія мысли встрѣтили мы, перелистывая дневники бывшихъ слушателей курсовъ 1897 года.

„Лекціи по Закону Божію производятъ сильное впечатлѣніе: отраднo присутствовать при живыхъ рѣчахъ убѣжденнаго человѣка. Какъ то невольно и незамѣтно является въ эти счастливыя минуты духъ вѣры глубокой, сильной... Но къ великому прискорбію, часто нападаетъ духовное расслабленіе, безконечная тоска, тяжелая скорбь... *Является желаніе видѣть въ лекторѣ не только совѣтника въ занятіяхъ, но и руководителя въ жизни*“.

А вотъ другой отзывъ:

„Вечеромъ батюшка въ занятой комнатѣ отечески бесѣдовалъ съ нами о преподанномъ имъ урокъ и о таинствѣ причащенія. *За послѣднюю бесѣду я долженъ быть признателенъ на всю жизнь, такъ какъ рѣшенъ былъ такой вопросъ, который часто волновалъ меня въ теченіе четырехъ лѣтъ*“...

Курсы прошли блестяще: учителя и учительницы такъ привязались къ своему руководителю, что плакали разставаясь съ нимъ... Они поднесли ему икону Спасителя въ серебряной ризѣ, а его супругѣ потретъ о. Михаила рисованный съ карточки однимъ изъ курсистовъ же.

Вотъ съ какимъ прощальнымъ привѣтствіемъ обратился одинъ изъ слушателей курсовъ, Д. О. Бажановъ, разставаясь со своимъ руководителемъ:

„Досточтимый о. инспекторъ! мы много обязаны вамъ. Возвратившись въ свои школы, станемъ мы вспоминать васъ, ваши бесѣды, ваше вниманіе, ваши лекціи, ваше сочувствіе, вашу любовь. Вы вникали въ каждую нашу мысль и разбирали всякое чувство. *Вашъ образъ вошелъ въ нашу душу и сталъ незабвеннымъ*. Каждое ваше слово въ школѣ станетъ намъ еще дороже. Оно будетъ утѣшать насъ въ тѣ мучительные часы глубокой грусти, которые иногда наступаютъ въ избѣ учителя, когда у сердца нѣтъ близкаго человѣка, который могъ бы понять скорбь и раздѣлить крестъ грустной мысли или тяжелаго чувства. Теперь, когда возникнетъ это тяжелое чувство, мы станемъ вспоминать васъ и каждое ваше слово, и то, какъ вы называли труды наши *подвигомъ*. Безъ внутренняго волненія мы не могли слышать отъ васъ это слово. Мы постараемся, чтобы трудъ нашъ былъ подвигомъ дѣятельной, разумной Христовой любви къ дѣтямъ и людямъ. И, вѣрится мнѣ, это будетъ для васъ лучшей наградой“.

О. Михаилъ отвѣчалъ на эту рѣчь между прочимъ слѣдующими словами:

„Я слышалъ сейчасъ ваши добрыя, теплыя рѣчи обо мнѣ, и теперь мнѣ стыдно признаться, что я съ крайней неохотой, съ печалью въ сердцѣ о потерянномъ лѣтнемъ отдыхѣ, принялъ на себя обязанность руководить нашими курсами. Если я вскорѣ же отдался душой общему труду, причиною тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданно, но глубоко тронули мое сердце, когда я встрѣтился съ молодымъ и честнымъ стремленіемъ

вашимъ къ полезному труду, съ вашей жаждой дѣйствительной пользы отъ курсовъ. Возможно ли было не откликнуться на это, возможно ли было обмануть ваши надежды? И чѣмъ больше знакомился я съ вами, чѣмъ больше наблюдалъ, съ какою неутомимостію, съ какимъ все возрастающимъ интересомъ вы отдавались труду, несмотря на убійственно жаркіе дни, тѣмъ больше свѣтлѣло у меня на душѣ. Меня уже потянуло къ вамъ, я уже радъ былъ находиться среди васъ, мнѣ уже отрадно было бесѣдовать съ вами, и я точно самъ молодѣлъ душой среди оживленныхъ и привѣтливыхъ лицъ, и мнѣ припоминались иные годы, и въ душѣ звучали инныя пѣсни... И вотъ теперь насталъ всему конецъ! Прощайте! Горько думать, что со многими изъ васъ, можетъ быть, приходится прощаться навсегда!

„Мы вернемся къ своимъ обычнымъ занятіямъ, мы останемся въ городѣ, при всѣхъ удобствахъ матеріальной и духовной жизни, а—вы?“

„Вамъ предстоитъ одинокій деревенскій трудъ, вамъ предстоитъ борьба съ тяжелой нуждой, съ лишеніями, съ разнаго рода помѣхами въ темной деревенской средѣ. Эта дума не разъ омрачала мнѣ душу, и тѣмъ болѣе трогало меня то, что вы совсѣмъ почти не говорили со мной о своихъ нуждахъ, но одушевлялись всякій разъ, когда рѣчь заходила о дѣтяхъ, объ ихъ успѣхахъ, объ интересахъ школы, о народномъ образованіи... Спасибо вамъ за это! Я убѣдился, что въ огромномъ большинствѣ вы любите ваше дѣло. Господь да поддержитъ васъ въ этомъ святомъ стремленіи положить свои молодыя силы на дѣло, полезнѣе котораго теперь нѣтъ на святой Руси!..“

„Вѣрьте въ ваше святое служеніе, продолжайте любить его всѣми силами юной души. Не смущайтесь тѣмъ, что вамъ, можетъ быть, не придется увидеть осязательныхъ плодовъ вашего труда,—трудитесь въ вѣрующемъ самоотреченіи, твердо надѣясь на то, что вашъ трудъ все-таки не пропадетъ даромъ, что въ вашемъ трудѣ выше всего и прежде всего — воля Господня, что Божіе Провидѣніе, безъ воли коего и воробей не упадетъ съ кровли, и волосъ не спадетъ съ головы, витаетъ надъ всякою истинною мыслию, надъ каждымъ честнымъ, въ духѣ истины сказаннымъ словомъ, надъ каждымъ честнымъ, добрымъ стремленіемъ.“

„Говорятъ, хорошо такъ разсуждать при полной обеспеченности, при благопріятныхъ условіяхъ жизни... А при скудномъ жалованьи, при нетопленной избѣ, при недостаткѣ въ самомъ необходимомъ... Что жъ? Развѣ мы всѣ не болѣемъ душою при мысли объ этомъ?! Развѣ нѣтъ у насъ сочувствія къ вамъ? Но—повѣрьте, что есть люди и вполне обеспеченные, и все-таки ничего не дѣлающіе или относящіеся слегка, равнодушно къ своему дѣлу. Успѣхъ всякаго дѣла менѣе всего зависитъ отъ матеріальнаго достатка, хотя мы вовсе не отвергаемъ его необходимости. Всякое истинно живое дѣло творитъ любовь, святое одушевленіе, окрыленное молитвой и надеждой на помощь свыше...“

„Простите, что я, можетъ быть, утомилъ васъ своимъ словомъ... Но сердце не легко успокаивается при разлукѣ! И не хочется говорить этого слова! Нѣтъ! Проведенные дни соединили насъ, вы будете жить въ душѣ у насъ, мы навсегда останемся благодарны вамъ за тѣ свѣтлыя, добрыя чувства, которыя пробудились въ нашемъ сердцѣ!..“

„И если въ деревенской глуши, среди трудовой работы—у васъ воскреснетъ воспоминаніе о настоящемъ лѣтѣ, если въ душѣ у васъ шевельнется еще теплое чувство къ намъ, знайте,—мы услышимъ его! „Сердце сердцу вѣсть подаетъ“, не нуждаясь ни въ телеграфѣ, ни въ телефонахъ!“

Нужно ли прибавлять, что послѣ курсовъ 1897 г. у о. Михаила установились по отношенію къ бывшимъ его слушателямъ не только тѣ отношенія, о которыхъ онъ говорилъ въ концѣ своей рѣчи. Издавна, уже съ молодыхъ лѣтъ его жизни его домъ служилъ мѣстомъ собранія и братскаго единенія всѣхъ его кровныхъ родныхъ. Съ осени 1897 г. его домашній

очагъ приобрѣлъ и другое значеніе: кромѣ близкихъ родныхъ, братьевъ и сестеръ, несшихъ къ знакомому и дорогому огоньку всякую свою мысль и намѣреніе, подъ кровомъ его пенатовъ появилась и другая, не менѣе, чѣмъ кровная, дорогая ему семья: учителя церковно-приходскихъ школъ. И надо было видѣть только одному о. Михаилу свойственное радушіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ этихъ дорогихъ его сердцу гостей.

Усталый, но духовно удовлетворенный, о. Михаилъ удалился послѣ курсовъ на свою дачу— всего на нѣсколько дней...

(Продолженіе будетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина.

(Продолженіе)¹⁾

16 Августа. Все минувшее лѣто работалъ я въ полѣ съ своимъ отцомъ, а свободные праздничные дни посвящалъ чтенію книгъ, раздобытыхъ мною кое-гдѣ у моихъ знакомыхъ. Прочиталъ я, между прочимъ, книгу „Очеркъ исторіи церк.-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени“ С. Мирнопольскаго; прочиталъ съ удовольствіемъ, потому что книга эта раскрыла предо мною всю жизнь церковной школы со дня ея появленія на свѣтъ Божій и до нынѣ. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что, прослуживъ почти цѣлый учебный годъ учителемъ церковно-приходской школы, я вовсе еще не былъ знакомъ съ ея исторіей, по-

чему типъ этой школы представлялся мнѣ новымъ, совершенно не имѣющимъ своего историческаго прошлаго. Сосѣдки моей школы въ селахъ Свищевѣ и Семивражкахъ, нашедшія себѣ пріютъ въ полуразвалившихся церковныхъ сторожкахъ, лишеныя болѣе или менѣе сносныхъ матеріальныхъ удобствъ, какъ и моя Абашевская, скверно отопляемая и плохо содержимая, наводили меня на мысль не въ пользу церк. пр. школъ. Я сталъ представлять себѣ эти школы чѣмъ-то мизернымъ, слабенькимъ, недолговѣчнымъ, однимъ словомъ—такими существами, на которыхъ мало кто обращаетъ серьезное вниманіе и почти никто не старается улучшить ихъ матеріальный бытъ. Церковно-приходская

¹⁾ См. № 7.

школа до сего времени была въ моемъ воображеніи ничѣмъ инымъ, какъ копеечною свѣчкою, для угашенія которой, достаточно дуновенія малѣйшаго вѣтерка. По прочтеніи же вышеупомянутой книги, мысли мои по отношенію къ ц.-пр. школѣ измѣнились. Я увидѣлъ свое заблужденіе и устыдился своего невѣжества. Оказывается, что школа, въ которой Богъ приводитъ мнѣ послужить своему брату мужичку на пользу, есть школа не новаго типа, не мизерная, слабенькая и недолговѣчная, какою я представлялъ ее себѣ, нѣтъ, появленіе ея на свѣтъ Божій совпадаетъ съ появленіемъ христіанства на Руси. Эта школа рождена Русскою Церковію, которая воспитывала, хранила ее, заботилась о ней, какъ чадолюбивая мать о своей единственной дочери, дабы, выростивъ себѣ эту единственную дочь, имѣть ее себѣ помощницей въ дѣлѣ воспитанія Русскаго народа, омытаго отъ грязи язычества водами благословенной Почайны. И церк.-прих. школа подъ непосредственнымъ руководительствомъ и покровомъ Церкви исполняла много вѣковъ свое великое назначеніе, раздѣляя съ своею матерію всѣ невзгоды, всѣ бѣдствія, какими угодно было Господу посѣтить Русскую землю.

Мое сравненіе церковной школы съ копеечною свѣчкою оказалось тоже неправильнымъ. Правда, школа эта— свѣчка, но неопѣнимая ни кѣмъ, и огонекъ ея не такъ слабъ, какъ я предполагалъ ранѣе, ибо эта свѣчка зажжена 900 лѣтъ тому назадъ и до сего дня не погасла! А какія бури обрушались на эту свѣчу! 200 лѣтъ бушевалъ надъ нею ураганъ татарскаго ига, потомъ бурю пронеслось польское нашествіе, наконецъ западно-европейское бурное вѣяніе встрѣчала эта школа, но при несомнѣнной помощи

свыше, она все это перенесла и осталась цѣла и неугасима. Лишенная посторонней поддержки, кромѣ попеченія своей матери, Церкви, церковная школа въ трудныя години бѣдствій, постигавшихъ Русь, ютилась или въ церковныхъ сторожкахъ, или въ душныхъ келліяхъ монастырей, или въ бѣдныхъ домикахъ церковнаго причта, но разливала и отсюда обильно свѣтъ ученія по всему лицу Русской земли, сообщая народу грамотность, внушая любовь къ своей матери Церкви, проповѣдуя вѣрность Царю и отечеству и вообще, приготовляя и русскаго мужичка и самоотверженнаго патріота, готоваго за Царя батюшку и за Русь матушку положить свою жизнь, и преданнаго сына св. Церкви, который-бы могъ сказать себѣ: „отъ всѣхъ чъстьнъ бѣхъ и любимъ... не укорихъ ни кого же, не вередихъ, и никого же не оклеветахъ, ни завидѣхъ никому же... не оставихъ церкви Божия, вечеръ, ни завтра, ни полудне: не прѣзрѣхъ ништихъ, ни оставихъ странна и печальна не прѣзрѣхъ никогда же“¹⁾. Такъ вотъ какова та школа, въ которой приводитъ мнѣ Богъ потрудиться. Нельзя не повторить съ Миропольскимъ, что „церковно-приходская школа есть неоцѣненный даръ Провидѣнія для православной Руси“.²⁾

19 Августа. Учебный годъ опять приближается: скоро нужно будетъ ѣхать въ Абашево и начинать ученье. Абашевскій псаломщикъ перемѣщенъ въ другое село, а чрезъ это я лишился хотя и холодной, но подходящей къ моимъ средствамъ квартиры, другую же найти подобную врядъ-ли еще удастся. Впрочемъ, очень то горе-

¹⁾ Очеркъ исторіи Церк.-пр. школы С. Миропольскаго вып. I, стр. 56.

²⁾ Тамъ же.

вать не приходится, положусь на волю Божию. Можетъ бытъ „обернусь“, какъ говорятъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни подобные мнѣ бѣдняки. Жаль только отца: придется ему опять зимовать въ полуразвалившейся избушкѣ, а помочь рѣшительно невозможно.

20 Августа. Сегодня я почти цѣлый день бродилъ по окрестностямъ роднаго села Шутовъ, прощаясь съ милыми сердцу холмами, рошицами, полями, лугами и овражками, потому что завтра я уѣзжаю въ Абашево и, слѣдовательно, родныя окрестности не придется мнѣ посѣтить до будущей весны. Когда шелъ я домой съ поля, то завернулъ и на кладбище, гдѣ покоятся мои односельчане, между которыми есть и близкіе сердцу родные... Но, Боже мой, какое грустное впечатлѣніе вынесъ я съ кладбища! Къ стыду моихъ односельцевъ, это святое мѣсто заброшено, забыто и имѣетъ весьма печальный видъ, наводящій на душу тоску и уныніе. Оно буквально ничѣмъ не огорожено, кромѣ старинной засорившейся и заросшей красивой канавы; на могилахъ даже и крестовъ мало: вмѣсто нихъ торчатъ однѣ носилки, оставленныя крестьянами, въ силу какого-то глупаго обычая, послѣ похоронъ; вокругъ не видно ни одного деревца, ни одного кустика, даже трава на могилкахъ вся посбита скотиною, которая имѣетъ сюда безпрепятственный доступъ; между могильными холмиками валяются въ изобиліи не зарытые обломки челоувѣческихъ костей, погнившихъ и покрывшихся плѣсенью гробовыхъ досокъ и свалившихся крестовъ; собрать и зарыть все это въ землю некому, ибо на состояніе кладбища никѣмъ не обращается вниманія. И это—колыбель усопшаго челоувѣчества, храни-

лище его бранныхъ останковъ, очистительное горнило людскаго праха, достойное благоговѣнія и почтенія живыхъ, забыто, заброшено и находится въ совершенномъ заустѣніи! Это печальное явленіе почти повсемѣстно въ нашихъ селахъ, оно есть плодъ равнодушія нашихъ крестьянъ къ кладбищу. Нѣкоторые изъ нихъ считаютъ это св. мѣсто даже нечистымъ, главнымъ пунктомъ всевозможныхъ ночныхъ привидѣній, почему многіе изъ нашихъ крестьянъ обоого пола боятся проходить ночью мимо кладбища и, что всего хуже, своими нелѣпыми разказами о привидѣніяхъ, внушаютъ къ нему ложный, но сильный страхъ дѣтямъ. Конечно, все это есть плодъ суевѣрія нашего темнаго люда, но борьба съ этимъ суевѣріемъ посредствомъ ученія церковнаго и школы все таки, безъ сомнѣнія, продолжится не малое время. Я такъ полагаю, что школѣ легче всего привести кладбища въ благоустроенный видъ. Какую же можетъ оказать услугу школа по отношенію къ заброшенному кладбищу? Да не малую. Школа руками своихъ питомцевъ вполне можетъ—украсить канаву кладбища древесными посадками, а могилы, кромѣ того, еще и цвѣтами. Можно надѣяться, что мальчики съ усердіемъ займутся этимъ благочестивымъ упражненіемъ, ибо любовь къ роднымъ могилкамъ зараждается у людей съ раннихъ лѣтъ, а не мало найдется между мальчиками-учениками такихъ, которые, сажая на могилкѣ деревцо, или сѣя сѣмена цвѣтовъ, оросятъ ихъ чистыми дѣтскими слезами—плодомъ любви и памяти къ почивающимъ въ этой могилкѣ роднымъ: матери, отцу, брату, сестрѣ, бабушкѣ, дѣдушкѣ и другимъ родственникамъ. Да, школа безъ сомнѣнія въ силахъ исполнить выше-

описанное, но ей нужна помощь и со стороны села, которое должно позаботиться объ устройствѣ хорошей ограды вокругъ кладбища и учрежденіи надъ нимъ надзора. Но школа скорѣе осуществить свою задачу по отношенію къ кладбищу, чѣмъ сами крестьяне, ибо послѣдніе по причинѣ еще массовой безграмотности и невѣжеству, не всѣ убѣждены въ томъ, что въ попеченіи о кладбищѣ выражается благоговѣйная память и любовь къ дорогимъ покойникамъ. Впрочемъ, при дружномъ содѣйствіи церковныхъ проповѣдниковъ, священниковъ, и благонамѣренныхъ учителей школъ, и кладбища со временемъ получаютъ благопристойный видъ и надлежащее о себѣ попеченіе.

23 Августа. Сегодня я переселился въ Абашево, гдѣ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе пріискиваніемъ себѣ квартиры. Цѣлый день бѣгалъ я по селу, но такъ и не нашель. Впрочемъ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ крестьянъ принимаютъ меня на хлѣба, но съ платою по 7 руб. въ мѣсяць. Я же получаю 8-мь! Слѣдовательно, уплативъ за столъ и квартиру, я ежемѣсячно буду оставаться съ... рублемъ. Изъ этого рубля я долженъ ухитриться извлечь часть себѣ на экипировку, а часть на поддержку отцу.—Куда и сколько ассигновать? вертѣлся въ моей головѣ назойливый вопросъ, но, конечно, такъ и остался неразрѣшимымъ.

— „Неужели отъ этого приходится въ отчаяніе и опускать руки?“ думаю себѣ: „правда, положеніе мое не изъ завидныхъ, но, вѣдь, есть же на свѣтѣ люди, которымъ судьба еще менѣе улыбается, а въ отчаяніе они не приходятъ. А посему не лучше ли потерпѣть и обождать: не уладится ли все это какъ нибудь въ будущемъ?“

Такъ разсуждалъ я самъ съ собой, и на душѣ стало свѣтлѣе и легче. Поужинавъ съ отцомъ чего Богъ послалъ, я постановилъ въ классѣ рядомъ три скамьи и легъ на нихъ, приговаривая: „пора и на покой; утро вечера мудренѣе“.

24 Августа. Мальчики сегодня собрались въ школу съ ранняго утра. Я погуторилъ съ ними кое о чемъ часика полтора и отпустилъ ихъ. Потомъ мы съ отцомъ составили „совѣтъ“, на которомъ принялись обсуждать мое „квартирное положеніе“. Надобно замѣтить, что при моей школѣ выстроена и квартира для учителя, да такая громадная, что въ ней не безчестно пожить даже порядочному начальнику, а не то, чтобы такой птицѣ, какъ церковно-приходскій учитель, да еще изъ крестьянъ, какъ моя персона. Только въ этой квартирѣ—ни стола ни стула, однимъ словомъ нѣтъ ничего такого, чтобы могло хоть отчасти придать ей видъ жилого помещенія: однѣ голыя стѣны. Окинувъ ее взглядомъ, отецъ мой проговорилъ „что-жъ, парень, видно здѣсь того... поселишься?“ Я задумался, а онъ, между тѣмъ, продолжалъ: „не бойсь, не нашей, вѣдь конурѣ, чета! А печь-то, глянь какая! Благо отопленіе отъ опчиства положено тебѣ, заживешь только ну-ну“...

— „Да, оно; пожалуй я не прочь и здѣсь поселиться, только кто-жъ мнѣ пищу-то готовить станетъ?“ спросилъ я своего батю.

— „Кто готовить?! удивился онъ: „самъ и готовь. А чего тебѣ готовить-то? Хлѣба я привезу, а щи да кашу ты и самъ сварить. Эка хитрость какая! Нынѣ же и самоваръ я тебѣ доставлю“. Нельзя было мнѣ не согласиться съ такими разсужденіями старика. По свойственной же всякому

человѣку слабости я, признаться, не много и поморщился отъ такихъ разсужденій, но призналъ, что отецъ рѣшительно правъ въ своихъ соображеніяхъ: мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ послѣдовать его совѣту, а кстати онъ еще мнѣ и самоваръ посулилъ.

— „Гдѣ-жь ты мнѣ самоварчикъ-то разстараяешься?“ спросилъ я отца.

— „Куплю въ Спаскѣ“, отвѣтилъ онъ.

— „Развѣ у тебя есть деньги?“

— „Три рубля есть“.

— „И ты на три рубля самоваръ хочешь купить?!“ удивился я.

— „Да не только самоваръ куплю на эти три рубля, а и еще кое что принесу“.

Я сомнительно покачалъ головой, но отецъ, ни говоря больше ни слова, взявъ свой кошель и отправился въ г. Спаскѣ, а я остался въ школѣ, ожидая, что будетъ дальше. Сижу я одинъ и думаю: „старикъ мой хочетъ сотворить чудо: на три рубля ухитрится купить самоваръ да и „еще кое что“—задача довольно сложная. Вѣдь самый плохой подержанный самоваръ стоитъ не менѣе 5—6 рублей“. Жду часъ, другой, третій и четвертый. Дѣло близится уже къ вечеру. Смотрю: входитъ мой батюня съ громаднѣйшимъ рогожнымъ узломъ за плечами.

— „Что, купилъ?“ спросилъ я его.

— „Отчего-жь не купить“, возразилъ онъ мнѣ хладнокровно: „вотъ гляди“. Узелъ развязывается, и на полу (за неимѣніемъ стола) появляются: чайникъ, 6 приборовъ, $\frac{1}{4}$ чаю, 3 ф. сахару, 5 ф. мяса, 4 ф. кренделей и... самоваръ. Да именно—самоваръ, а не что либо сему подобное: новый, блестящій, какъ зеркало, только не... мѣдный, а изъ бѣлой жести (впрочемъ, грантъ мѣдный); сдѣланъ чистенько

и притомъ со всеми рѣшительно признаками и свойствами, присущими настоящему мѣдному самовару; даже форма выполнена артистически. Ну, однимъ словомъ—копія съ мѣднаго самовара. Чего же еще? Я, признаться, не зналъ ранѣе о существованіи подобныхъ самоваровъ, почему и былъ несказанно радъ, увидѣвъ это „изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ“, предназначенное для тѣхъ людей, которые, какъ, напр., я, чувствуютъ въ самоварѣ и необходимую потребность, и не имѣютъ средствъ приобрести его въ „настоящемъ“ его видѣ. И такъ, я несказанно обрадовался, увидѣвъ этотъ самоваръ. Отецъ, между прочимъ, объяснилъ мнѣ цѣну покупокъ: чайникъ—20 коп., 6 приборовъ—60 к., $\frac{1}{4}$ чаю—40 к., 3 ф. сахару—50 к., 5 ф. мяса—30 к., 4 ф. кренделей—20 к. и самоваръ... 70 к.! Да „исхарчилъ“ онъ въ городѣ 10 к. Вотъ и все три рубля. Потомъ мы принесли воды, раздобыли углей и—нашъ новый самоваръ черезъ 10—15 минутъ, будучи поставленъ на огонь, кипѣлъ, шипѣлъ, дулся и отдувался, да, вѣдь, какъ еще: будь тутъ „настоящій“ мѣдный самоваръ, такъ и тотъ сгорѣлъ бы со стыда. Далѣе послѣдовало чаепитіе и безконечные разговоры о томъ—о семъ, и даже вчерашнее критическое положеніе было мною совсѣмъ позабыто.

25 Августа. Ночевалъ я одинъ въ школѣ, потому что отецъ вчера еще съ вечеру ушелъ въ Шуты. Когда я сегодня проснулся, солнце уже высоко взошло и начался ясный ведряный день. Напившись чайку, я вошелъ въ классъ, гдѣ встрѣтила меня живая рѣзвая толпа дѣтей. Она произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Мальчики были все радостны, веселы, полны жизни и чужды всякой заботы и житейскихъ тревоженій. Ихъ

прекрасное настроеніе передалось и мнѣ и наполнило мое сердце чѣмъ то свѣтлымъ, ласкающимъ и успокоивающимъ. Началась молитва, и стѣны класса наполнились единодушнымъ стройнымъ пѣніемъ, которое всегда глубоко проникаетъ въ мою душу и заставляеть ее вознестись на высокую

степень молитвеннаго настроенія; невольно забываешь всѣ невзгоды и лишения, неудачи и огорченія, и мысленно зываешь къ Богу:

— „Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю“.

(Продолженіе будетъ).

1893—1894 годъ.

Учитель *Е. Нулиновъ.*

БОЖІЯ НИВА.

Теплымъ лѣтомъ въ полѣ чистомъ
Нива спѣлая стоитъ

И на солнцѣ золотистымъ,
Полнымъ колосомъ блеститъ.

Много силы ей и поту

Нашъ крестьянинъ посвятилъ,

И Господь его работу

Съ высоты благословилъ;

Силы далъ землѣ живыя,

Напоилъ ростки дождемъ

И согрѣлъ поля родныя

Теплымъ солнечнымъ лучемъ.

Подъ Его святой десницей

Нива выросла, взошла

И крестьянину сторицей

За работу воздала.

Въ Божьемъ мірѣ есть другая

Нива чудно-хороша,

Это—дѣтская, живая,

Непорочная душа.

Эту душу въ нашей школѣ

Мы беремся обучить

Въ послушаньи Божьей волѣ

И уставамъ Церкви жить...

О, Создатель! дай умънѣ

Намъ исполнить трудъ святой

И пошли благословенъе

Школѣ скромной и родной;

Всѣхъ, кого мы обучаемъ

Въ ней, наставъ, руководи,

И богатымъ урожаемъ

Насъ за трудъ вознагради.

Священникъ *А. Державинъ.*

ПОСѢВЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

VIII.

Непогоды надъ школьною нивой.—Отрадныя явленія въ жизни школы.—Какъ умираютъ беззаветные труженики нашихъ школъ.—О. Троицкій.—Иванъ Кухта и Павелъ Бойко.—Не оживеть, аще не умреть!—Духовная сплоченность и семейный духъ школы.

Тяжелы минуты бываютъ въ жизни сѣятеля „Божьей грамоты“ на необъятной нивѣ народной! Свои непогоды бушуютъ здѣсь. Свои безвременные и гнилые дожди безотрадно льютъ—и льютъ на

жаждущую солнышка ниву, грозя залить, сгноить, погубить всѣ надежды сѣятеля... А бѣдный сѣятель совершенно безсиленъ помочь бѣдѣ и едва борется между надеждою и страхомъ, между вѣрою и отчая-

ниемъ! Но вотъ.... на темной нависшей тучѣ появилось одно свѣтлое пятнышко, все расплзается шире и шире, показался даже кусочекъ нѣжно-голубаго чистаго неба, и когда вслѣдъ за сямъ—кроткимъ лучемъ блеснетъ и солнышко, забываются всѣ невзгоды: хочется и смѣяться и плакать торжествующими надеждами этой „ангельской улыбки“ неба!...

Точь—въ точь такое небо виситъ надъ Божьей нивой, засѣянной 40,000 однихъ церковныхъ, не считая другихъ народныхъ школъ. Непогодой проносятся надъ нею всевозможныя усилія и проекты разныхъ кабинетныхъ либераловъ, старающихся навязать школъ только „образовательный“ и притомъ, въ самомъ грубомъ практическомъ смыслѣ, характеръ,—если-бъ это было возможно въ Православной Руси, даже и съ изгнаніемъ изъ школы „батьюшки“, какъ до этого доводятъ теперь „жиды“ Францію! Гнилымъ дождемъ сыплются на школьную ниву всевозможныя оскорбленія, навѣты, клеветническія, завистническія и ненавистническія нападки и издѣвательства враговъ Церкви и Православія, до того безцеремонныя, что нѣкій завравшійся газетчикъ въ открытомъ письмѣ къ батьюшкѣ—законоучителю школы предлагаетъ воспитывать хрістіанскаго малютку „по идеалу данному учителемъ Востока — БУДДОЙ!“ Кровью плачь сердце всякаго православнаго русскаго челоуѣка, беззавѣтно любящаго свою дороую отчизну и все, чѣмъ она жива и могуча!... Яснѣе и ужаснѣе этого намъ сказать нечего!

Въ такія грустныя минуты, въ такую непогоду поистинѣ „ангельской улыбкой“, кроткимъ лучемъ надежды и покоя—улыбаются сама жизнь школы, въ ея лучшихъ сторонахъ и успѣсахъ,—и „святелю“ истиннаго блага народнаго, и всякому истинному его ревнителю!...

Во множествѣ отчетовъ по школамъ авторъ „Посьвовъ и Всходовъ“ находитъ

и съ отрадою отмѣчаетъ безчисленныя доказательства и свидѣтельства очевиднаго роста, добраго успѣха и жизненности родной церковной школы. Я въ восторгѣ—особенно отъ отчета Холмска-Варшавскаго Наблюдателя. Какъ въ зеркалѣ, въ немъ отражается чисто, подробно и безъ прикрасть сама по себѣ полная духовныхъ красота, энергія и жизни, западно—православная русская „школа“. Какъ въ калейдоскопѣ, одна картина смѣняется здѣсь другою, отъ высоко-отрадныхъ для русскаго сердца, до болѣзненно грустныхъ, возможныхъ только въ атмосферѣ, пропитанной ядовитою агитаціею и ненавистію къ Православію патеровъ Лезуитовъ. И здѣсь-то, въ этомъ мракѣ анти-православія и анти-народности русской, мы находимъ наиболѣе утѣшительныя показанія достоинства и свѣтлой силы нашей школы.

Передъ нами отчетъ Холмска-Варшавскаго Наблюдателя самаго послѣдняго изданія (1900/1901 г.). Лучшія страницы его открываются сообщеніями о томъ, какъ „умирають“ беззавѣтные труженики истиннаго народнаго образованія, откуда между прочимъ становится понятно и то, почему съ ихъ смертію „не умираетъ“ свѣдѣло этихъ тружениковъ, какъ, напротивъ, эта самая смерть ихъ добрымъ сѣменемъ всходить надъ ихъ скромной могилой и даетъ цѣлые ряды другихъ стольже добрыхъ тружениковъ, по завѣтамъ которыхъ будутъ идти и дѣйствовать цѣлыя поколѣнія...

Однимъ изъ такихъ тружениковъ былъ Бѣлгорайскій предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія, протоіерей Андрей Троицкій, почившій о Господѣ 26 Сент. отчетнаго года. „Въ должности предсѣдателя онъ состоялъ 6 лѣтъ и съ любовью (курсивъ отчета) исполнялъ ее. Онъ собственноручно вель почти все письмоводство по отдѣленію, успѣшно изыскивалъ мѣстныя денежныя средства на нужды церковныхъ школъ уѣзда, къ каждому учебному году прински-

валь учителей для тѣхъ школъ грамоты, завѣдующіе которыми сами не находили достойныхъ кандидатовъ, и принималъ живое участіе въ строительномъ дѣлѣ по отношенію къ школамъ уѣзда, чтобы онѣ имѣли не только собственные дома, вполне удобные, но и усадьбы благоустроенныя. Общительный и предупредительный, разсудительный и дѣятельный, онъ объединялъ и воодушевлялъ членовъ отдѣленія для общаго дѣла. На засѣданія и по другимъ дѣламъ отдѣленія ему приходилось ѣздить за 12 верстъ въ г. Бѣлгорай, при чемъ не имѣя своихъ лошадей, онъ ѣздилъ на наемныхъ (на свои средства). При обязанностяхъ приходскаго священника (въ многолюдномъ приходѣ) и благочиннаго, должность предсѣдателя особенно тяжела была для о. Троицкаго въ послѣдніе годы его жизни при частыхъ заболѣваніяхъ въ зломъ недугѣ, который свелъ его въ безвременную могилу. Но *никогда* изъ устъ его не слыхалъ епархіальный наблюдатель (и едва ли слыхали другіе) не только сѣтованій, но даже намековъ на тяжесть безмездныхъ трудовъ его предсѣдательскихъ. Свою осиротѣлую семью онъ оставилъ въ бѣдности... Да будетъ ему *мзда многа на небеси!*“ заключаетъ отчетъ.

Необыкновенно трогательными чертами отличается сообщеніе отчета о другой чувствительной потерѣ края въ лицѣ умершихъ учителей Ивана Кухты и Павла Войко (оба служили въ Замостскомъ уѣздѣ). Иванъ Кухта—уроженецъ села Монастырка и воспитанникъ „перваго выпуска“ Яблочинской второкласной школы. Окончивъ курсъ ученія въ 1899 году, онъ тогда же былъ назначенъ учителемъ церковно-приходской школы въ родномъ селѣ и „своею добротою, кроткимъ нравомъ, простотой и привѣтливостью въ обращеніи пришелся по сердцу и школьникамъ-дѣтямъ и взрослому населенію. Взрослые особенно цѣнили въ немъ то, что онъ никогда „не гордился“ передъ ними и до конца дней

своихъ оставался „грамотнымъ крестьяниномъ“. Будучи сыномъ малоземельнаго бѣднаго крестьянина, прирабатывающаго средства къ жизни „поденнымъ заработкомъ“, онъ не уклонялся отъ „наемнаго дневнаго труда“ ни въ бытность свою въ Яблочинской школѣ, когда пріѣзжалъ домой на каникулярное время, ни даже по своемъ назначеніи на учительскую должность. Каждый будній день онъ зарабатывалъ своему отцу по 30 коп. Все лѣто 1899 года онъ ходилъ „на работу“ къ сосѣдямъ крестьянамъ или къ помѣщику. „Что толку въ твоёмъ ученіи? Не стоило учиться три года для того, чтобы вмѣстѣ съ нами зарабатывать серпомъ и косяю. Какая разница межъ тобою-ученымъ и нами-неучеными?“ не разъ говорили ему односельчане-сверстники. „Разница есть“, благодушно улыбаясь, отвѣчалъ имъ учитель Кухта: „лѣтомъ, когда есть заработки, я могу зарабатывать серпомъ и косяю такъ же, какъ и вы, а зимою, когда вы поѣдаете лѣтній заработокъ и сидите сложа руки, я получу вдвое болѣе того, чѣмъ лѣтомъ заработалъ, хотя получу и не даромъ, въ чемъ можете убѣдиться, придя въ школу зимними вечерами“. Съ 1-го октября 1899 г. Кухта пересталъ ходить на заработки, а сталъ собирать дѣтей въ школу: кого изъ нихъ встрѣчалъ на улицѣ, въ домѣ, въ полѣ безъ особой работы, онъ всѣхъ, какъ свой человекъ, тащилъ въ школу. По вечерамъ онъ ходилъ по домамъ и убѣждалъ родителей освободить своихъ дѣтей отъ работы, чтобы учились въ школѣ, и съ первыхъ чиселъ октября, чего раньше никогда не бывало (при бывшемъ учителѣ-псаломщикѣ) въ Монастырковской школѣ начались правильныя занятія, а къ концу мѣсяца число учащихся по сравненію съ прежними годами удвоилось. Удвоились и аккуратность посѣщенія школы, и успѣхи въ ней, какъ естественное послѣдствіе добросовѣстнаго труда учителя и исправнаго посѣщенія

школы учениками. Но недолго учительствовал Кухта: всего один учебный годъ, одну только зиму. Усиленный трудъ лѣтомъ и зимой пошатнулъ его слабый организмъ, предрасположенный къ груднымъ болѣзнямъ, а тасканіе тяжелыхъ (въ помощь своему отцу) бревенъ весною 1900 года ускорило роковую развязку. Скоротечная чахотка въ январѣ 1901 г. свела юнаго учителя въ могилу къ великому горю его учениковъ и къ общему сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ его... „Погребеніе б. учителя Монастырковской школы Іоанна Кухты“ (писалъ по сему случаю въ Замостское уѣздное отдѣленіе завѣдующій школой) было обставлено возможною торжественностью. Въ день кончины совершена была на дому литія въ присутствіи учителя (преемника Кухты), его учениковъ и многихъ крестьянъ Монастырка. На другой день утромъ крестный ходъ отправился изъ церкви на домъ покойнаго, и по совершеніи краткой литіи послѣдоваль выносы тѣла въ церковь. Послѣ заупокойной литургіи и отпѣванія (съ надгробнымъ словомъ) многолюдная похоронная процессія двинулась на кладбище. Не только дѣти-ученики Кухты и родители ихъ, но и все взрослое населеніе Монастырка, не исключая католиковъ и упорствующихъ, — всѣ собрались отдать послѣдній долгъ почившему труженику: были на литургіи и сопровождали дорогіе останки на мѣсто упокоенія даже такіе „упорствующие“, которые болѣе 20 лѣтъ не были въ церкви. „Простота въ обращеніи, тихій нравъ и усердіе къ школьнымъ занятіямъ снискали покойному такую любовь у народа, что гробъ его въ церковь и на кладбище несли парни и дѣвушки на рукахъ, что не въ обычаѣ въ моемъ приходѣ и чего никогда не случалось“, пишетъ о завѣдующій школой. Такимъ образомъ и при погребеніи учителя Кухты оказалась „разница“ между нимъ и его сверстниками-односельчанами, которой, очевидно, не по-

дозрѣвалъ и самъ онъ тогда, когда объ ней говорилъ съ ними. Въ теченіе 39 дней дѣти Монастырковской школы ежедневно на утреннихъ и вечернихъ классныхъ молитвахъ молились объ упокоеніи „новопреставленнаго раба Божія Іоанна“, а въ 40-й день вся школа была въ церкви на заупокойной литургіи, совершенной о завѣдующимъ, и на ней присутствовали „не только родственники покойнаго, но и многіе прихожане“. Весною на „добродетельныя пожертвованія“ завѣдующаго, учителя и учащихся поставленъ надъ безвременной могилой „добраго и вѣрнаго“ школьнаго труженика дубовый крестъ съ соответствующей надписью.

Другой изъ почившихъ Павелъ Бойко былъ учителемъ школы грамоты въ дер. Стабровѣ и умеръ вдали отъ своей школы, на родинѣ (въ селѣ Лужковѣ Грубешовскаго уѣзда) въ маѣ. „Это былъ одинъ изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ учителей въ округѣ (въ 1900 году получилъ послѣ испытанія званіе учителя одноклассной церковно-приходской школы). Въ Стабровской школѣ онъ прослужилъ два года и учебно-воспитательное дѣло тамъ поставилъ прекрасно. Упорствующие стабровцы не только примирились съ церковной школой за эти два года, но и полюбили ее, потому что полюбили крѣпко самого учителя (какъ свидѣтельствуеъ окружный наблюдатель) хорошаго, трудолюбиваго, толковаго. И долго они будутъ помнить тѣ долгіе зимніе вечера, которые „черезъ два года“ проводили въ своей школѣ, слушая его чтенія и пересказы прочитаннаго. На эти чтенія они къ концу учебнаго года собирались до тѣсноты въ школѣ. „Да, не скоро школа дождется такого учителя, каковъ былъ покойный“, сказалъ окружному наблюдателю одинъ крестьянинъ изъ Стаброва: „это былъ единый (т. е. рѣдкій, выдающійся). Наши дѣти какъ будто знали объ его смерти“, говорилъ тотъ же крестьянинъ:

„при его отъѣздѣ всѣ плакали, какъ по покойникѣ. Правду сказать, и намъ-старикамъ ужь очень больно знать, что мы уже не увидимъ его, такъ мы привыкли къ нему и полюбили его за два года“. „Нужно было видѣть эту искреннюю великую печаль дѣтей-школьниковъ (пишетъ окружной наблюдатель), когда я впервые сообщилъ имъ о смерти ихъ учителя, дабы судить о томъ, какъ они любили учителя Войко: у дѣтей появились на глазахъ слезы. Онъ простудился въ дорогѣ изъ Стаброва въ Лужковъ и умеръ отъ воспаленія легкихъ, но добрая память о немъ долго-долго будетъ жить въ „упорствующей“ деревнѣ Стабровѣ. Поистинѣ, доброе сѣмя „не оживетъ, аще не умретъ!“...¹⁾

Другая характерная и утѣшительная сторона въ жизни Холмско-Варшавскихъ школъ это — своеобразно-отеческія отношенія между завѣдующими и наблюдателями школъ и учителями съ одной стороны, и вообще учащими и учащимися съ другой. Тамъ, гдѣ чувствовалась недостаточная подготовка учителей къ школьному дѣлу въ помощь малоподготовленнымъ приходили завѣдующіе школами (болѣе усердные и знающіе) и наблюдатели (окружные и епархіальный). Заботливые изъ завѣдующихъ по субботамъ или сами являлись въ школу, или у себя на дому бесѣдовали съ учителями: „ознакомились съ пройденнымъ и усвоеннымъ дѣтьми за истекшую недѣлю по всѣмъ предметамъ и дѣлали указанія, какъ и чѣмъ заниматься въ слѣдующую недѣлю по каждому учебному предмету и сколько приблизительно слѣдуетъ пройти“. Они же „при исполненіи духовныхъ требъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ есть школа, заходили въ школу, наблюдали за преподаваніемъ учителя и приходили ему на помощь, въ особеннсти въ преподаваніи закона Божія“. Наблюдатели школъ при обзорѣни ихъ обращали вниманіе не только „на успешность учебно-воспитательнаго дѣла въ шко-

лѣ, но старались прослѣдить, выяснить тѣ приемы и методы, каковыя выработаны учителемъ на школьной практикѣ,—на сколько таковыя приемы правильны, цѣлесообразны и дѣйствительно облегчаютъ тяжелый трудъ начального обученія. Тамъ, гдѣ приемы и методы оказывались неудовлетворительными, они приходили съ помощью своими (соотвѣтственно потребности) разъясненіями, указаніями и руководствомъ.

Взаимныя отношенія учащихся и учащихся въ церковныхъ школахъ епархіи, простыя и сердечныя, исполненныя (за малыми исключеніями) любви со стороны руководителей и привязанности со стороны дѣтей, естественно устанавливали такой учебно-воспитательный строй школьной жизни, при которомъ весьма рѣдко требовались дисциплинарныя мѣры строгости по отношенію къ дѣтямъ. Разъясненія, наставленія и добрый примѣръ (усердію учили усердіемъ, вѣжливости вѣжливостью и т. д.) самихъ учителей и учительницъ, ихъ совѣты, увѣщанія и поощренія, одобренія и порицанія были обычными и во многихъ сельскихъ школахъ единственными и вполне достаточными „мѣрами къ поддержанію школьной дисциплины“. И это не только фразы, а множествомъ фактовъ¹⁾ подтверждаемая истина. И этой истиной особенно крѣпки школы нашего Западнаго края, несмотря на всѣ невзгоды и враждебныя вліянія.

Каждая такая школа тамъ, по необходимости, одна сплоченная семья, „на страхъ врагамъ“ и на защиту отъ нихъ. И этой сплоченности и крѣпости ничто такъ не способствуетъ, какъ религіозно-церковное, нравственно-воспитательное и истинно-народное направленіе школы. Это чувствуется между прочимъ, такъ сильно, такъ живо —

¹⁾ Этнхъ фактовъ такъ много въ отчетѣ, что нѣтъ возможности привести всѣхъ ихъ, а въ одиночку—глаза разбѣгаются!

во въ случаяхъ, подобныхъ слѣдующему. Прошлой „зимой“ одна изъ бывшихъ ученицъ Лодзинской школы заболѣла чахоткой и умерла. Созвать въ будничнй день бывшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ школы въ большомъ городѣ положительно нѣтъ возможности. Но помимо моей инициативы (писать о завѣдующей) товарищи и подруги оказались дружной толпой собравшимися у гроба умершей. При общемъ плачѣ и скорби объ усопшей, при дружномъ пѣніи отроческихъ голосовъ чувство-

валось нѣкоторое утѣшеніе: плакали, пѣли, молились *всѣ вмѣстѣ*; ощущалось впечатлѣніе, что подѣ кровомъ нашей матери-Церкви начинается образовываться себя сознающая, маленькая Православная Русская семья въ полунѣмецкомъ и полупольскомъ городѣ“... Вотъ такую-то сплоченностію и семейностію особенно должна быть крѣпка вообще родная школа, и тогда только Князь Просвѣтитель Руси не уступитъ свою славу князю-тѣмѣ и князю-развратителю Русскаго народа...

Страничка для дѣтей.

Ветхозавѣтные мученики.

вятая Библия сообщаетъ намъ одно поучительное и трогательное повѣствованіе о страданіи семи юныхъ братьевъ, ихъ учителя Елеазара и матери Соломоніи. Это было за 180 лѣтъ до Рождества Христова. Нечестивый царь Антиохъ завладѣлъ Іерусалимомъ, ограбилъ храмъ, умертвилъ много людей и еще болѣе продалъ ихъ въ неволю. Тѣхъ, которые захотѣли остаться въ священномъ городѣ Іерусалимѣ, Антиохъ заставлялъ кланяться идоламъ. Ужасъ напалъ на несчастныхъ жителей города, такъ что многіе изъ нихъ удалились изъ Іерусалима. Но Елеазаръ, семь братьевъ Маккаевъ и ихъ мать Соломонія не покинули своего родного города. Такъ какъ Елеазаръ былъ главнымъ законоучителемъ (2 кн. Макк. 6, 18), то на него, прежде всего, и обратилъ вниманіе кровожадный начальникъ

Іерусалима, поставленный нечестивымъ царемъ. Елеазара принуждали ѣсть свиное мясо отъ идольскихъ жертвъ. Онъ-же рѣшительно отказался исполнить это нечестивое повелѣніе. Предпочитая славную смерть опозоренной жизни, страдалецъ готовъ былъ терпѣть всякія мученія. Напрасно нѣкоторые сострадательные люди, приставленные къ идольскимъ жертвамъ, предлагали подмѣнить жертвенное мясо другимъ. Елеазаръ не хотѣлъ лицемѣрить. „Это недостойно моей старости—отвѣчалъ дряхлостолѣтній страдалецъ. Не подамъ-ли я этимъ пагубный примѣръ юношамъ? Не подумаютъ-ли они, что если такой старецъ уклонился въ язычество, чтобы сохранить остатокъ дней своихъ, то имъ можно такимъ же образомъ спасти жизнь свою? Нѣтъ. Я не положу безчестія и пятна на мою старость. Если въ настоящее время я и из-

бавлюсь мученія отъ людей, то не избѣгну руки Всемогущаго по смерти. Поэтому, мужественно разставаясь теперь съ жизнью, я оставлю юнымъ добрый примѣръ, охотно и доблестно принимать смерть за досточтимые и святые законы“. Сказавъ это, кроткій старецъ пошелъ на мученія. Его стали упрекать и называть безумцемъ. Но старецъ остался непреклоннымъ. Готовясь уже умереть, онъ вознесъ къ Господу теплую молитву. „Господу извѣстно, что я имѣю возможность избавиться отъ смерти, но я тѣломъ терплю жестокія страданія, а душой радуюсь, что страдаю для Него“... Съ такими словами скончался святой старецъ, оставивъ въ смерти свой памятникъ добродѣтели не только юношамъ, но и весьма многимъ изъ народа.

Примѣру Елезара послѣдовали вскорѣ и 7 юношей, изъ рода Маккавеевъ, бывшіе ученики его. Какъ и ихъ учитель, они отказались такъ-же отъ вкушенія идоложертвеннаго мяса. Чтобы заставить ихъ вкусить отъ идольскихъ жертвъ, царь велѣлъ бить юношей бичами и воловьими жилами. „Чего хочешь отъ насъ?“—сказалъ въ отвѣтъ на мученія старшій изъ братьевъ. „Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческіе законы“. Разгнѣванный Антиохъ велѣлъ отрѣзать у юноши языкъ, руки и ноги. Потомъ, не довольствуясь и этимъ, мучитель приказалъ содрать съ страдальца кожу и жечь юношу, ли-

шеннаго всѣхъ членовъ, на раскаленной сковородѣ. И мученикъ все претерпѣлъ!

Между тѣмъ братья и мать его видѣли всѣ муки, понесенные имъ, ободряли другъ друга, готовясь тоже къ мученіямъ.

Когда скончался, такимъ образомъ, старшій изъ семи братьевъ, взяли второго и начали терзать его тѣло, принуждая ѣсть идольскую жертву. Мучители содрали съ головы его кожу. Но и этотъ мученикъ съ удивительнымъ мужествомъ перенесъ ужасное страданіе. Мало того: готовясь принять мученическій вѣнецъ, онъ не устранился обличить царя. „Ты, мучитель, лишаешь насъ настоящей жизни, произнесъ, умирая, страдалецъ, но Царь міра воскреситъ насъ для жизни вѣчной“.

Подобнымъ-же образомъ безбоязненно претерпѣлъ муки и третій братъ. Онъ спокойно далъ на отсѣченіе члены свои, говоря: „отъ неба я получилъ ихъ и не жалѣю ихъ за законъ Господень“. Царь и бывшіе съ нимъ изумлены были такимъ мужествомъ отрока.

Когда скончался и этотъ мученикъ, преданъ былъ терзаніямъ и мученіямъ четвертый изъ семи братьевъ. Будучи близкимъ къ смерти, онъ говорилъ Антиоху: „лучше умереть отъ руки людей и хранить твердую надежду на Бога, что Онъ опять воскреситъ; для тебя же не будетъ воскресенія къ жизни“.

Привели, затѣмъ, и начали мучить пятаго брата. Этотъ муже-

ственно сказалъ нечестивому царю: „ты имѣешь власть надъ людьми... Но не думай, чтобы родъ нашъ былъ оставленъ Богомъ. Подожди, и ты увидишь великую силу Его, когда Онъ накажетъ тебя и потомство твое“.

Послѣ этого, привели шестого юношу, который готовяся на смерть, сказалъ жестокосердому Антиоху: „не думай остаться безнаказаннымъ ты, дерзнувшій противиться Богу!“

Во все это время мать мужественныхъ юношей съ твердостью смотрѣла на страданія дѣтей, своимъ мученическимъ подвигомъ прославившихъ Господа. Полная пламенной вѣры, эта, достойная удивленія и славной памяти, мать увѣщевала своихъ дѣтей: „дѣти мои! Творецъ міра, создавшій васъ, опять милостиво дастъ вамъ дыханіе и жизнь, которую вы теперь полагаете за законъ Его“.

Антиохъ, между тѣмъ, очень сердился, что не могъ ни одного изъ юношей склонить къ исполненію своей воли. Оставался въ живыхъ только одинъ братъ, который былъ еще отрокомъ. Царь призвалъ его и не только словами, но и клятвою сталъ увѣрять въ томъ, что онъ осыплетъ его дарами и почестями, если юноша исполнитъ волю его. Но юноша рѣшительно отказался сдѣлать угодное царю. Тогда Антиохъ, призвавъ мать убѣждалъ ее посовѣтовать сыну сберечь себя. Она подошла къ отроку и по-еврейски начала ободрять его къ перенесенію му-

ченія: „сынъ мой! сжался надо мною говорила мать. Я вскормила, выростила и воспитала тебя! Умоляю тебя, дитя мое, посмотри на небо и землю и на все созданіе. Знай, что все сотворилъ Богъ изъ ничего; и такимъ-же образомъ произошелъ и родъ человѣческой. Не страшись этого убійцы, но будь достойнымъ братьевъ твоихъ и прими смерть, чтобы я всѣхъ васъ могла встрѣтить опять съ любовію“.

Едва произнесла эти слова благочестивая мать, какъ юноша сказалъ мучителямъ: „чего вы ожидаете? Я не слушаю повелѣнія царя, а повинуюсь закону, данному Богомъ чрезъ Моисея. Ты же, мучитель, не избѣжишь руки Божіей... Ты, нечестивый и преступнѣйшій изъ всѣхъ людей, не возносишь напрасно тѣмъ, что ты воздвигаешь руку на рабовъ Его; ибо ты не ушелъ еще отъ суда Всемогущаго и Всевидящаго Бога. Братья мои, потерпѣвшіе краткое мученіе, по завѣту Божію, получили жизнь вѣчную, а ты по суду Божію понесешь праведное наказаніе за превозношеніе. Я же, какъ и братья мои, предаю и душу и тѣло за отеческіе законы и молю Бога, чтобы Онъ умилосердился надъ народомъ. Ты-же, среди мученій, принужденъ будешь исповѣдать, что Богъ нашъ единый, истинный Богъ“.

Разгнѣванный царь велѣлъ предать этого послѣдняго страдальца еще болѣе жестокимъ мученіямъ, чѣмъ какимъ были подвергнуты прочіе братья.

Такъ и этотъ отрокъ кончилъ жизнь чистымъ, всецѣло положившись на Господа. Послѣ сыновей скончалась и мать—страдалница.¹⁾

Вскорѣ послѣ этого умеръ и жестокой царь. Господь поразилъ его страшною болѣзнію: все тѣло его покрылось зловонными ранами, въ

¹⁾ Св. Библия не сообщаетъ намъ именъ юныхъ мучениковъ; но древнее церковное преданіе называетъ ихъ слѣдующими именами: Авимъ, Антонинъ, Гурій, Елеазаръ, Евсеонъ, Алимъ, Маркеллъ, а мать ихъ—Соломонія.

которыхъ во множествѣ заводились черви. Самъ онъ сначала лишился сна и во время безсонныхъ ночей часто вспоминалъ свои жестокости въ Іерусалимѣ. Скоро болѣзнь Антіоха усилилась до того, что онъ сталъ въ тягость и себѣ и своимъ близкимъ. И отъ этого тяжелаго недуга онъ умеръ, наконецъ, въ страшныхъ мученіяхъ.

В—ій

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Незамѣтная жертва¹⁾.

(Изъ школьныхъ впечатлѣній).

Когда-то разъ пришлось мнѣ проѣзжать въ Винницкомъ уѣздѣ. Дѣло было ранней осенью. Солнце только что поднялось, тихо раздвигая мягкія волны тонкаго тумана, поднимавшагося съ низовой и ложбинъ, изрѣзавшихъ мѣстность. Было воскресенье. Изъ небольшого мѣстечка N, къ которому мы подѣзжали, неся звучный благовѣсть приходскаго храма, стоявшаго на пригоркѣ въ срединѣ мѣстечка. Серебрянные звуки точно кушались въ чистомъ воздухѣ, и далеко слышна была ихъ вдохновенная, дивная гармонія.

На площади мѣстечка бродили домашнія козы, стояло нѣсколько телѣгъ пріѣхавшихъ на ярмарку крестьянъ и слѣшили въ церковь толпы народа въ яркихъ цвѣтныхъ платьяхъ, съ выраженіемъ тихаго довольства и счастья на серьезныхъ, набожныхъ лицахъ. Распорядившись съ возницей, я отправился въ церковь. Вся окруженная моремъ блѣдно-зеленой, уже тронутой печатью осени, зелени, она привѣтливо глядѣла своими бѣлыми стѣнами, высокими главами, свѣтлыми крестами... Обѣдня еще не начиналась. На клиросѣ высокій мужчина лѣтъ тридцати, съ умными, вырази-

тельными чертами лица, въ мѣщанскомъ костюмѣ, громко и внятно читалъ часы, изрѣдка крестясь и кланаясь. Я сталъ въ углу церкви, подъ хорами, на которыхъ не замѣтно было никакого движенія, и погрузился въ молитвенныя думы. Возгласъ діакона возвратилъ меня къ дѣйствительности. Прозвучалъ затѣмъ тихій старческой голосъ священника, съ той особенной воодушевленностью, которая такъ успокоительно дѣйствуетъ на сердца молящихся. Прошло мгновеніе,—и съ высокихъ хоръ тихо и торжественно, однимъ чуднымъ порывомъ высоко-настроеннаго чувства, пронеслось по высокимъ сводамъ церкви отвѣтное пѣніе. Я вздрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара. „Какъ хорошо, какъ чудно!“—повторилъ я съ восторгомъ, вслушиваясь въ звуки давно знакомыхъ мелодій. Въ построеніи этого хора, въ отсутствіи выкриковъ—эффектовъ, такъ часто присущихъ нашимъ импровизированнымъ хорамъ, въ удивительномъ тактѣ, съ которымъ выполнялись малѣйшіе оттѣнки музыки, въ неотразимо-дѣйствующемъ на душу чувствѣ и одушевленіи—во всемъ этомъ я тотчасъ же угадалъ неимовѣрный трудъ артистически-развитаго человѣка, вложившаго всю душу въ любимое дѣло,

¹⁾ Изъ Подольскихъ Еп. Вѣдомостей.

и естественно задалъ себѣ вопросъ: кто устроилъ и кто руководить этимъ хоромъ?—Послѣ обѣдни, во все продолженіе которой я стоялъ, какъ очарованный, я обратился съ распросами къ выходившему изъ церкви народу. Меня окружило челоѣкъ двадцать.—и съ одинаковымъ чувствомъ восторга и благодарности наперерывъ другъ передъ другомъ рассказали мнѣ слѣдующее: „У насъ былъ учитель... теперь онъ покойникъ,—царство ему небесное!—Такъ это онъ все устроилъ“.

— И хорошій былъ учитель?

— Другого такого не было и не будетъ у насъ! Когда его хоронили, всѣ, даже маленькія дѣти, плакали, какъ за роднымъ отцомъ. Даже и теперь жаль, какъ вспомнишь...

У нѣкоторыхъ на глаза навернулись слезы.

— Давно онъ умеръ?

— Нынѣшней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ.

— А кто-же теперь управляетъ вашимъ хоромъ?

— Одинъ изъ учениковъ, Семень Загребельный.—Онъ у насъ бобыль, земли не имѣетъ и сирота притомъ круглый. Учитель,—царство ему небесное!—взялъ его къ себѣ двѣнадцати лѣтъ и вмѣсто сына держалъ. У него онъ окончилъ школу, выучился нотамъ; а когда учитель умиралъ, то просилъ насъ назначить ему сорокъ рублей за пѣніе... Мы и назначили...

— Какая была болѣзнь у покойника?

— А Богъ ее вѣдаетъ!—Пришла пора умереть,—ну, и померъ. Такихъ Господь всегда призываетъ къ себѣ,—не житье такимъ людямъ на свѣтѣ!.. Все жалованье, бывало, тратить на сапоги да на одежду бѣднымъ ученикамъ,—самъ едва прокармливался...

— Сколько лѣтъ онъ у васъ учительствовалъ?

— А лѣтъ десять, если не больше. Постигнетъ, бывало, какое горе, тошно на душѣ,—идешь къ учителю. Онъ ласковый, „добряшій“ такой былъ!.. Какъ съ братомъ роднымъ поговоришь,—и легче станеть на сердцѣ. А говорилъ онъ все о добромъ, о хорошемъ,—невольно заслушаешься... Всѣ ученики его живутъ по Божьему, знаютъ, когда и что отвѣчать батюшкѣ на исповѣди, во время брака... Все зналъ покойникъ и всему ихъ выучилъ... Не будетъ уже у насъ такого учителя...

— Далеко-ли отсюда школа?—Мнѣ бы хотѣлось побывать тамъ.

— Недалеко. Да вотъ и школьный сторожъ,—произнесъ одинъ изъ толпы, указывая на выходившаго изъ церкви низенькаго челоѣка лѣтъ сорока пяти, съ наивно-добродушнымъ выраженіемъ добраго лица, усѣяннаго лучеобразными морщинами.

— Степанъ, проводи паныча въ школу. Хотятъ посмотреть, какъ жилъ нашъ учитель...

Я изумился удивительному нравственному чутью моихъ собесѣдниковъ.

Школа помѣщалась въ старомъ зданіи, нѣкогда бывшемъ подъ волостнымъ правленіемъ. Квартира учителя глядѣла бѣдно и неуютно. „Здѣсь учитель умеръ“,—разъяснилъ мнѣ сторожъ, указывая на узкую деревянную кровать, покрытую сѣрымъ потертымъ одѣяломъ.

— Новый учитель еще не присланъ?—обратился я къ сторожу.

— А Богъ его знаетъ... Что-то нѣтъ...

Я оглянулся вокругъ себя: сѣро, убого... Сердце мое болѣзненно сжалось.—„Такъ вотъ гдѣ погасла эта дорогая самоотверженная жизнь,—погасла вдали отъ всего, что такъ тѣшитъ и забавляетъ многихъ“... На окнѣ валялись ноты, отрывки какихъ-то школьныхъ записокъ, тетрадь стихотвореній...

— Я ничего не возьму, не беспокойтесь,—обратился я къ сторожу, съ недоувѣрчивостью косившагося на незнакомое лицо.—Я только посмотрю и положу обратно.

Стихи были очевидно собственнаго сочиненія. Меня поразила цѣльность идеальной личности покойника. И въ этихъ стихотвореніяхъ, такъ же, какъ и во всей жизни труженика, яркимъ свѣтомъ горѣла все та-же горячая любовь къ родной школѣ и ея питомцамъ. Сюжетомъ одного изъ нихъ былъ экзаменъ въ сельской школѣ, другое оплакивало участь страдальца-учителя среди непонимавшей его толпы, третье представляло свѣтлый гимнъ добру и правдѣ, въ четвертомъ вспоминалась любимая дѣвушка учительница, умершая, какъ и самъ авторъ, отъ физическаго истощенія на своемъ высокомъ посту...

Нѣкоторыя изъ нихъ я воспроизвелъ въ своей памяти, и они хранятся у меня, какъ драгоценность.

Поблагодаривъ сторожа, я поѣхалъ дальше. Въ потеплѣвшемъ чистомъ воздухѣ звучно отдавались серебрянные звуки колоколовъ наполняя душу чистымъ умиле-

ніемъ молитвы, жгучей грустью невозвратной потери...

Учитель *С. Нозубовскій.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Предметный указатель и словотолковникъ къ Четымъ-Минеямъ Святителя Димитрія, Митрополита Ростовскаго. Кіевъ. Въ типографіи Кіево-Печерской Успенской Лавры. Въ 8 д. 140 стр. въ 2 столбца.

Книжка эта напоминаетъ сочиненіе покойнаго протоіерея В. Бандакова: „Царство Благодати“. Но есть и различіе: въ книгѣ о. Бандакова предметный указатель гораздо короче—только 44 стр. въ 1 столбецъ, тогда какъ въ „Предм. Указателѣ“ словарь занимаетъ 125 стр. въ 2 столбца. О. Бандаковъ имѣлъ въ виду только цѣль назиданія и помощь проповѣдникамъ, и потому послѣ указателя предлагаетъ краткое изложеніе тѣхъ фактовъ, какіе указаны въ словарѣ-указателѣ, въ порядкѣ мѣсяцевъ, чего въ новомъ изданіи нѣтъ. За то послѣднее можетъ служить не только для проповѣдниковъ въ качествѣ справочной книги, но и для преподавателей закона Божія, Церковной исторіи, славянскаго языка и т. п., и особенно полезны объясненія многихъ малопонятныхъ словъ и тѣ мысли, которые, по

разнымъ предметамъ нравственнаго, вѣручительнаго и историческаго содержанія, очень умѣло извлечены и расположены въ порядкѣ алфавита. Въ концѣ приложена прекрасная статья о мученичествѣ за Христа, которую было бы желательно видѣть отдѣльной брошкрой: такъ она назидательна и тепло написана.

Книжка очень полезна для учительскихъ бібліотекъ въ качествѣ справочника. Одно неудобство: указатель приспособленъ къ кіевскому изданію Четихъ Миней 1877—1881 гг., страницы коего и показаны въ немъ, такъ что для изданій на примѣръ московскихъ, или кіевскихъ же, но другихъ годовъ, коихъ страницы не совпадаютъ съ принятымъ въ книгѣ изданіемъ, книжка оказывается уже неудобопримѣнимою.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Іюль 1902.

Съ болью сердца прочитали православные Русскіе люди „Письмо къ батюшкѣ“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Просто не вѣрилось, чтобы такое открытое кощунство было возможно у насъ на Руси. Нѣкій Чермакъ доказываетъ, что Православіе, какъ и всякая другая религія, „мѣшаетъ вести дѣтей къ истинѣ“, что святыя символы нашей святой вѣры „заслоняютъ отъ зоревъ истину“. Отсюда и выводъ: такимъ символамъ въ школѣ „не должно быть мѣста“, тѣмъ болѣе, что они, эти символы, могутъ „отпугнуть отъ школы мусульманина, еврея, буддиста“.... И это печатается, можно сказать, на другой же день послѣ того, какъ съ Царскаго Престола радостнымъ благовѣстомъ раздалось

великое слово, призывающее положить во главу угла въ дѣлѣ воспитанія—святыю нашу вѣру православную...

Прекрасно отвѣтили на эту наглую выходку газетнаго болтуна „Московскія Вѣдомости“. „Вотъ, говорятъ онѣ, какъ отвѣчаетъ русская газета на призывъ Царя къ тому, чтобы школа ставила на первое мѣсто воспитаніе въ духѣ Православной Церкви! Православное воспитаніе совершенно изгоняется изъ школы! Пусть тамъ батюшка въ своей школѣ проповѣдуетъ одну истину, а учителя въ школѣ проповѣдуютъ другую! И какой же будетъ тогда результатъ этой разногласицы?

„Тогда школа церковная и школа свѣтская, говоритъ г. Чермакъ, будутъ гармо-

нически (!?) дополнять одна другую, а не мѣшать одна другой, какъ это происходить, къ сожалѣнію, теперь“.

„Какъ не стыдно писать такой вздоръ! Почему и откуда явится „гармонія“ между двумя противоположными истинами, коль скоро онѣ будутъ преподаваться въ двухъ разныхъ школахъ? И какое воспитаніе возможно въ школѣ безъ религіозной основы? А вотъ какое:

„Школа не только должна научить мѣрить и взвѣшивать: она должна создать высокій идеалъ человѣка,—настолько выскѣй, чтобъ онъ могъ стать ровненъ съ идеаломъ, даннымъ учителемъ Востока—Буддой“.

„Можно ли молчать при появленіи такихъ, доселѣ совершенно невысказанныхъ, статей въ русской печати? Можно ли оставаться равнодушнымъ предъ этимъ циническимъ походомъ противъ святыхъ символовъ христіанства, которые намъ предлагаютъ выбросить изъ нашей школы, потому что они будто бы „заслоняютъ отъ взоровъ истину“

„Истина *одна*, та, которую намъ открылъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, и другой истины быть не можетъ. Эта истина вѣчная, полная, абсолютная, хранимая въ чистотѣ Православною Церковью. Эта истина необходима человѣку какъ для земной, такъ и для вѣчной его жизни. Эта истина есть основа всего его нравственнаго бытія. Эта истина должна быть положена въ основаніе всего нравственнаго воспитанія, какъ въ семьѣ, такъ и въ Церкви, такъ въ особенности и въ школѣ, и лишь при этомъ условіи возможно дѣйствительно-гармоническое развитіе всѣхъ духовныхъ качествъ человѣка“.

Въ другой своей статьѣ „Московскія Вѣдомости“ говорятъ:

„Если мы доселѣ думали, что правильное отношеніе человѣка къ Богу можетъ выясниться лишь изъ Божественнаго Откровенія, находящагося въ словѣ Божіемъ, то мы ошибались. По мнѣнію петербургскаго публициста, изъ слова Божія мы можемъ почерпнуть не истинную, а ложную религію. Вотъ почему онъ и изгоняетъ слово Божіе изъ русской школы. Или, вѣрнѣе сказать, онъ хочетъ *Евангельское* слово Божіе замѣнить другимъ словомъ Божіимъ—*натуралистическимъ*:

„Мировѣдѣніе“ — говоритъ онъ — „это

слово Божіе *изъ первыхъ рукъ*—должно служить основой религіи и нравственности“.

„Итакъ слово Самого Господа Иисуса Христа,—это не настоящее слово Божіе, а, такъ-сказать, „слово Божіе *изъ вторыхъ рукъ*!“ А *настоящее* слово Божіе—это то, которое находится въ книгахъ Дарвина, Геккеля и другихъ „мировѣдовъ“, которые, слѣдовательно, и должны замѣнить собою въ русской школѣ Святое Евангеліе! Изъ нихъ мы должны черпать правила религіи и нравственности! Если они, напримѣръ, намъ говорятъ, что „борьба за существованіе“ есть общій мировой законъ, то мы должны признать этотъ вздоръ за „слово Божіе *изъ первыхъ рукъ*“ и вести безпощадную борьбу со своими ближними, считая призывъ Христа ко взаимной любви ученіемъ, противорѣчащимъ *истинной* этикѣ, ученіемъ безнравственнымъ.

„Для *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* Евангеліе не можетъ служить основой религіи и нравственности; оно, поэтому, должно быть удалено изъ школы и замѣнено „мировѣдѣніемъ“.

„Только мировѣдѣніе“, говорятъ онѣ, „можетъ разсѣять заблужденія человѣчскія,—только оно можетъ сдѣлать паписта менѣе папистомъ, талмудиста менѣе талмудистомъ“...

„Ну и, конечно, православнаго менѣе православнымъ, добавимъ мы отъ себя, такъ какъ, конечно, авторъ статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и Православную Вѣру считаетъ однимъ изъ „заблужденій человѣчeskихъ“, иначе онъ не изгналъ бы ея изъ русской школы, увѣряя, что даже „символы“ ея „мѣшаютъ вести дѣтей къ истинѣ“. Вѣдь вся статья написана съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать православныхъ Русскихъ людей *менѣе православными!*

„Но гимнъ мировѣдѣнію еще далеко не конченъ. Послушаемъ дальнѣйшія его восторженныя строфы.

„Только мировѣдѣніе,—давая *знаніе* непрерывности *переходныхъ* формъ *отъ* *человѣка до простѣйшихъ животныхъ существъ* и, далѣе, отъ живаго существа къ неживымъ химическимъ элементамъ матеріи,—показываетъ, что человѣкъ съ его чувствомъ, мышленіемъ и волею, и безпредѣльная матерія съ ея слѣбыми силами

имѣють одну общую непостижимую сущность“.

„Вотъ гдѣ уже ясно проглянулъ дарвинизмъ, эта давно уже научно опровергнутая блестящая гипотеза великаго натуралиста! На этой ложной доктринѣ должно основываться человѣческое „самопознание“. Человѣкъ долженъ познать, что онъ имѣеть „одну общую непостижимую сущность“ съ животными и съ „неживыми химическими элементами“.

„Вотъ, слѣдовательно, та „истина“, къ которой школа должна вести нашихъ дѣтей, и которую заслоняютъ отъ ихъ взоровъ находящіеся въ школахъ „религіозные символы!“

„Если человѣкъ, повѣривъ Дарвину, убѣдится въ своемъ родствѣ съ обезьяной и сѣрною кислотой, онъ будетъ „стремиться къ міровой гармоніи!“ Какъ будто какое-нибудь значеніе можетъ дѣлать человѣка нравственнымъ!“

„Мы ужасаемся при мысли о томъ, что графъ Левъ Толстой считаетъ для себя нравственнымъ авторитетомъ лишь *нѣкоторыя* изъ заключающихся въ Евангеліи Божественныхъ законовъ: но какъ отнестись къ дерзкому публицисту *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, который лишаетъ нравственнаго авторитета *все* Евангеліе, предлагая замѣнить его въ школахъ „міровѣдѣніемъ!“...

Газета „Свѣтъ“ въ свою очередь также возмущается „письмомъ“ Чермака. „Сказать, говорить она, что въ школахъ не мѣсто андроморфному (человѣкообразному) изображенію Божества, а въ просторѣчій иконѣ—развѣ не значить изгонять икону изъ школы, т. е. быть иконоборцемъ? Сказать, что религіозные символы т. е. иконы, кресты, лампы и т. п. „не должны заслонять отъ взоровъ истины“, „что символы эти лишь дорогое воспоминаніе дѣтства“ (т. е., надо думать, юношамъ и взрослымъ не нужны), сказать, что иконѣ не мѣсто тамъ, гдѣ начинается анализъ, критика—развѣ это не значить быть врагомъ православной вѣры и Церкви? Вѣдь, вѣра ни критики, ни анализа не знаетъ, а православный человѣкъ, во всѣхъ возрастахъ, чтитъ благоговѣнно крестъ животворящій и святые иконы. Не только въ той горницѣ, гдѣ учатся юноши, а даже въ жилищахъ животныхъ—конюшняхъ и скотныхъ дворахъ православные люди помѣщаютъ иконы“.

„Но въ школахъ-то иконѣ не мѣсто, говорить г. Чермакъ, еще потому, что это будетъ непріятно мусульманину, еврею, буддисту“.

„Боже праведный! Да до чего же мы дожили: изъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ иконы изгоняются на платформы, съ запираніемъ ихъ въ шкафы, изъ школъ, чтобы не дѣлать непріятностей жиденятамъ и татарчатамъ, иконы тоже, по мнѣнію профессора Чермака, надо вынести! Остается лишь ожидать, что кто-нибудь печатно предложитъ снять крестъ съ православныхъ храмовъ“.

Земной поклонъ почтеннымъ редакціямъ за горячую отповѣдь отъ имени православныхъ Русскихъ людей этимъ незванымъ-непрошенымъ радѣтелямъ народнаго просвѣщенія, этимъ выходцамъ изъ буддійскихъ пагодъ, въ своемъ тупоуміи дошедшимъ до открытой проповѣди язычества... Увы, это не въ переносномъ смыслѣ: при содѣйствіи нашихъ доморожденных буддистовъ, какъ пишутъ въ газетахъ, строится въ столицѣ Русскаго царства идольское капище, въ которомъ князь-редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ жертвуетъ отъ себя и идоловъ Будды... Нечего сказать: дожили мы до временъ... ужь не тѣхъ ли послѣднихъ временъ, въ которыя явится предсказанное Апостоломъ „отступленіе“?...

Мы переживаемъ тревожное время. Силы ада, будто сознавая свою власть надъ дряхлыми отъ самогнѣнія и нравственнаго разложенія людьми, или же, можетъ быть, предчувствуя свою скорую гибель, спѣшатъ развивать свою разрушительную дѣятельность. Что было немислимо еще такъ недавно, о томъ теперь смѣло и открыто говорятъ, какъ о возможномъ, о желательномъ... Уже давно надъ нашимъ отечествомъ виситъ непроглядный туманъ религіознаго невѣжества, и именно надъ тѣми слоями нашего народа, которые именуютъ себя „интеллигенціей“, то есть, людьми „мыслящими“, образованными. Поражаешься полнымъ невѣжествомъ этихъ людей въ вопросахъ вѣроученія хрістіанскаго, полнымъ отсутствіемъ всякихъ понятій о духовной жизни, какимъ-то чистоязыческимъ строемъ ихъ мышленія. На хрістіанство смотрятъ они какъ на отжившее свой вѣкъ суевѣріе. Язычество свиваетъ себѣ гнѣздо среди хрістіанства и прикрывается ложною „нау-

кою". Постепенно, незамѣтно, но послѣдовательно подмѣняются понятія христіанскія—полуязыческими, понижаются идеалы, превращаются въ миѣи святыя образы великихъ носителей этихъ идеаловъ... И всѣ эти полуязычники спѣшатъ проводить въ народъ свои бредни и чрезъ школу, и чрезъ печать... Да, мы живемъ въ тревожное время. Кто искренно сердцемъ вѣруетъ во Христа, кому дороги завѣты святаго Евангелія, завѣты родной Церкви, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ всего, что совершается на нашихъ глазахъ. Мы читаемъ въ газетахъ, съ какою ревностью защищаютъ въ Франціи люди вѣрующіе свободу своего исповѣданія, гонимаго—увы—ихъ правительствомъ: намъ ли, православнымъ Русскимъ людямъ, не стать на стражѣ святыхъ завѣтовъ нашего Православія, коимъ живетъ наша Русь почти тысячу лѣтъ? Мы счастливы, что къ

сему призываетъ насъ и возлюбленный Царь нашъ—Помазанный Божій! Мы ли будемъ спокойно смотрѣть на эту проповѣдь развращенія нашего народа со стороны полуязычниковъ нашихъ? Нѣтъ, этого не будетъ никогда! Одинъ изъ обитателей святой Лавры великаго печальника и заступника Русской земли пр. Сергія, въ тяжкую годину междоусобицы, когда поляки—латины завладѣли Москвою, слышалъ таинственный голосъ: „и будетъ на Руси Православіе по прежнему!“... Пусть же дружнымъ хоромъ повторяютъ труженики православной русской школы: „не бывае тому, чтобъ развратители нашего народа успѣли въ своихъ преступныхъ, отступническихъ замыслахъ: мы готовы положить за него душу свою, мы готовы всю жизнь отдать на служеніе Церкви родной! И будетъ Православіе на Руси попрежнему!“...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

НОВАЯ КНИГА:

„ИЗЪ ЗАГРОБНАГО МІРА“

СВИДѢТЕЛЬСТВА УМЕРШИХЪ

и откровенія о загробной участи людей, по Четви-Минеймъ Св. Дмитрія Ростовскаго.

Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное, съ рисунками.

Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

Первое изданіе книги разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ. Книга встрѣтила сочувствіе не только среди общества, но и въ печати. Такъ „Московскія Вѣдомости“ слѣдующими словами заключаютъ свой отзывъ о книгѣ: „Намъ ничего не остается, какъ рекомендовать книгу о. Русанова вниманію читателей“ (1901 г., № 2).

Второе изданіе книги исправлено и, безъ повышенія цѣны, значительно дополнено, а также снабжено очень хорошими рисунками. Книга представляетъ полный сборникъ свидетельствъ Четви-Миней о загробной участи человека въ сопоставленіи съ ученіемъ слова Божія объ этомъ предметѣ. Благодаря этому вопросъ о загробной жизни открывается съ новыхъ сторонъ, малоизвѣстныхъ, или совсѣмъ неизвѣстныхъ въ обществѣ. Въ книгѣ представлено, на основаніи Слова Божія, Четви-Миней, а также свидетельствъ св. отцевъ: полное ученіе о часѣ смертномъ, о мытарствахъ, о блаженствѣ праведниковъ, о мученіи грѣшниковъ и о поминовеніи усопшихъ. Являясь глубоко назидательной и занимательной, недорогая книга „Изъ загробнаго міра“ представляетъ лучшее чтеніе какъ въ христіанской семьѣ, такъ и для всякаго добраго христіанина: въ тоже время она можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для проповѣдниковъ слова Божія и законоучителей.

Книгу можно получать въ книжныхъ магазинахъ: *С.-Петербурга* (И. Л. Тузова), *Москвы* (А. И. Анисимовой,—Солянка д. Волкова), *Кіева* (Н. Я. Оглоблина), *Харькова* (А. Дредера), *Одессы* (Е. П. Распопова), *Казани* (въ синодальномъ книжномъ складѣ,—Проломная ул. и у А. А. Дубровина), *Саратова* (М. А. Кудрявцева), *Самары* (во всѣхъ книжныхъ магазинахъ), *Уфы* (Н. К. Блохина), *Скопина* (Нас. Шестакова), *Валакова* (М. Н. Карнѣва), *Вольска*, Саратовской губ., (Ф. С. Фармаковского); у законоучителя Вольскаго реальнаго училища Священника Русанова (уг. Караванной и Маринской ул., д. П. П. Филиппова).

Оптовые покупатели, берущіе у Священника Русанова получаютъ большую скидку.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА: ГОЛОСЪ ПАСТЫРСКАГО СЕРДЦА.

СБОРНИКЪ ПОУЧЕНІЙ, РАЗМЫШЛЕНІЙ И ДР. СТАТЕЙ

ПРОТОІЕРЕЯ М. І. ХИТРОВА.

ДВА ТОМА.

Въ этой книгѣ собраны небольшія статьи, рассказы, очерки и поученія, приуроченныя къ особенно-знаменательнымъ днямъ въ жизни православнаго Русскаго человѣка, а также поученія къ учащимся, которыя покойный говорилъ въ теченіи своего недолгаго служенія въ званіи законоучителя въ 1895—8 г. Крайне разнообразны по содержанію, предлагаемыя статьи отличаются строгимъ единствомъ своего направленія: всѣ онѣ проникнуты тѣмъ православнымъ русскимъ духомъ, который имѣлъ въ о. Михаилъ одного изъ наиболѣе яркихъ своихъ представителей и выразителей.. Принаровленные къ извѣстнымъ событіямъ въ годичномъ кругѣ религиозной жизни Русскаго православнаго человѣка, онѣ расположены въ порядкѣ по мѣсяцамъ, начиная съ января, соотвѣтственно числамъ тѣхъ событій, къ которымъ относятся, и даютъ такимъ образомъ православному читателю назидательное чтеніе въ теченіе цѣлаго года.

Умолкло живое слово о. Михаила. Не появится болѣе его новыхъ сочиненій. Но и то, что осталось послѣ него, долго будетъ питать душу Русскаго православнаго человѣка, долго будетъ будить лучшія струны русскаго сердца. Его поученія истекали прямо изъ сердца, его статьи были всегда проникнуты глубокой сердечностью, его слово было всегда словомъ отъ души.. Вотъ почему мы не нашли лучшаго названія этому сборнику, какъ „Голосъ Пастырскаго Сердца“.

Цѣна каждаго тома сей книги безъ пересылки 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., въ папкѣ-корешкѣ—1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к., въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Взглядъ на воспитаніе на зарѣ хрістіанства. *Димитрія Введенскаго.*—Умеръ-ли Рачинскій? (Памяти истиннаго друга церковной школы). *Свящ. В. Востокова.*—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учителя Е. Куликова.*—Божія Нива. Стихотворенія *свящ. А. Державина.*—Посвяты и входы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Страничка для дѣтей. Ветхозавѣтные мученики. *В-го.*—Изъ періодическихъ изданій Незамѣтная жертва. (Изъ школьныхъ впечатлѣній). *Учителя С. Козубовскаго.*—Библиографія.—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Іюля 30 дня, 1902 года.
Ценаоръ, Инспекторъ Московской Духовной Академіи Архимандритъ Евдокимъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; въходитъ отъ 6 до 12 разъ въ годъ.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.